

ЛЮБОВЬ ПРИВОДИТ В АД

♦ ДЖО ХИЛЛ ♦

Fanzon. Наш выбор

Джо Хилл

Рога

«ЭКСМО»

2010

Хилл Д.

Рога / Д. Хилл — «Эксмо», 2010 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-699-76748-9

В годовщину смерти его любимой девушки у Ига Перриша выросли рога. И это не единственный обретенный им дьявольский атрибут – теперь Иг безотчетно, одним своим присутствием, понуждает людей выкладывать самые заветные, самые постыдные тайны, поддаваться самым греховным соблазнам. Сможет ли Иг, пока все вокруг пляшут под дьявольскую музыку рогов, найти настоящего убийцу Меррин Уильямс (все в городе уверены, что он ее сам и убил), постичь евангелие от Мика Джаггера и Кита Ричардса и вернуться в Древесную Хижину Разума?

ISBN 978-5-699-76748-9

© Хилл Д., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	7
3	12
4	16
5	18
6	23
7	30
8	35
9	37
10	39
Часть вторая	41
11	41
12	44
13	54
14	57
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Джо Хилл

Рога

Леоноре – как всегда, с любовью

*Сатана – это один из нас, значительно больше, чем Адам или Ева.
Майкл Чабон. О демонах и прахе*

Joe Hill

Horns

Copyright © 2010 by Joe Hill

Published by arrangement with HarperCollins Publishers, Inc

© Пчелинцев М., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Часть первая

Ад

1

Игнациус¹ Мартин Перриш целую ночь бухал и занимался всяким непотребством. Он проснулся наутро с дикой головной болью, приложил руки к вискам и нащупал что-то незнакомое, пару заостренных шишек. Ему было настолько плохо – слабость, и глаза слезились, – что сперва он почти не обратил на эти шишки внимания. Похмелье не оставляло места для иных беспокойств.

Но когда, уже в туалете, он взглянул на свое отражение в зеркале, висевшем над раковиной, то увидел, что за время сна у него выросли рога. От удивления он пошатнулся и вторично за двенадцать часов намочил себе на ноги.

¹ Ignatius (лат.) – огненный.

2

Он натянул шорты цвета хаки – вся одежда была еще вчерашняя – и наклонился над раковиной, чтобы рассмотреть эту новость получше. Рога-то, в общем, были не слишком роскошные, длиною каждый с мизинец, толстые у основания, заостренные на концах и чуть изогнутые кверху. Их плотно обтягивала его собственная, ненормально светлая кожа, кроме самых кончиков, которые были воспаленно-красными, словно совсем уже собрались проколоть кожу. Боязливо потрогав один из них, он обнаружил, что кончики чувствительны, даже немного болезненны. Проведя пальцами по каждому из рогов, он ощутил под туго натянутой кожей плотную кость.

Он сразу подумал, что каким-то образом сам навлек на себя эту напасть. Вчерашней ночью он забрел в лес аж за старую литейную мастерскую, к тому месту, где была убита Меррин Уильямс. Об этом напоминало черное полузасохшее вишневое дерево, кора на котором кое-где облупилась, обнажая древесную плоть. Вот в таком виде была тогда и Меррин: из-под сорванной одежды виднелась плоть. Тут были ее фотографии, деликатно развешанные по веткам вишни, а также памятные карточки, покореженные дождем, испятнанные и выгоревшие. Кто-то – наверное, ее мамаша – оставил декоративный крест с привязанными к нему желтыми нейлоновыми розами и пластиковой Пречистой Девой, улыбавшейся блаженной придурочной улыбкой.

Его бесила эта улыбочка. Его бесил и этот крест, установленный на месте, где Меррин умерла от кровотечения из расшибленной головы. Крест с желтыми розочками, долби его конем, – это вроде как электрический стул с подушками в цветочек, дурная шутка. Его смутно тревожило, что кто-то обеспокоился вязать в это дело и Христа: Христос появился здесь на год позже, чем следовало бы. Когда Меррин в нем нуждалась, его тут что-то не было.

Иг сорвал декоративный крест и злобно его растоптал. А тут, кстати, и поссать захотелось, что он и сделал, стараясь попасть на Деву, но попутно с пьяных глаз обмочив и свою ногу. Возможно, уже это было достаточно святотатственно, чтобы навлечь на себя такое преображение. Но нет, он чувствовал: здесь есть что-то большее. Что именно – он был не в силах сообразить. Ему нужно было о многом подумать.

Он покрутил голову туда-сюда, изучая себя перед зеркалом, раз за разом трогая пальцами рога. Сколько тут этой кости? И нет ли у рогов корней, прорастающих в мозг? При этой мысли в ванной потемнело, словно висевшая над головой лампочка почти перестала светить. Но это продолжалось недолго, тьма была не в лампочке, а у него в глазах, у него в голове. Иг крепко вцепился в раковину и стал терпеливо ждать, пока слабость пройдет.

И тут он все понял. Он умирает. Ну конечно же, он умирает. Что-то вторглось ему в мозг, наверное, опухоль. Никаких рогов в действительности не было – просто метафора, воображение. Его мозговые клетки пожирает опухоль, вот ему и мерещится всякое. И если он дошел уже до того, что лицезреет видения, то спастись, пожалуй, уже невозможно.

Мысль о том, что он, возможно, вскоре умрет, принесла с собой волну облегчения, родственную тем чувствам, которые испытываешь, выныривая на поверхность после излишне долгого пребывания под водой. Иг однажды почти утонул и с самого детства задыхался от астмы, для него это облегчение было простым и понятным, как возможность дышать.

– Я болен, – выдохнул он. – Я умираю.

Сказав это вслух, он улучшил себе настроение.

Он снова изучил себя в зеркале, почти ожидая, что рога исчезнут, ведь он же знает, что они галлюцинация, но ничего не вышло. Рога остались. Он поворошил свои волосы, пытаясь разобраться, нельзя ли хоть как-нибудь скрыть их, хотя бы до визита к врачу, но затем бросил это занятие, сообразив, до чего же это глупо – прятать то, чего не видит, кроме него, никто.

Еле переставляя трясущиеся ноги, он вернулся в спальню. С обеих сторон кровати постельное белье было отброшено, и нижняя простыня еще хранила скомканный отпечаток Гленны Николсон. В его памяти не сохранилось, как он ложился с ней в постель, и даже то, как он вообще вернулся домой, – еще одна исчезнувшая часть этой ночи. До этого момента он искренне считал, что спал один и что Гленна провела эту ночь где-то еще. *С кем-то* еще.

Прошлой ночью они с ней вышли в город вместе, но, приняв на грудь несколько рюмок, Иг, естественно, начал думать о Меррин, ведь через несколько дней была годовщина ее смерти. И чем больше он пил, тем больше тосковал по ней – и тем яснее осознавал, насколько Гленна от нее отлична. Со своими татуировками и приклеенными ногтями, своей полочкой, полной романов Дина Кунца, своими сигаретами и длинным списком приводов в полицию, Гленна была воплощенной не-Меррин. Ига раздражало, что она сидит с ним за одним столиком, это казалось ему предательством, хотя было не совсем ясно, кого это он предает – Меррин или себя. В конце концов он решил смыться; Гленна раз за разом поглаживала пальцем косточки его кулака – жест, задуманный как нежный, но почему-то доводивший его до бешенства. Он пошел в туалет, спрятался там минут на двадцать, а вернувшись за столик, никого за ним не нашел. Он сидел и пил еще примерно час и наконец сообразил, что она не вернется и что он об этом не жалеет. И вот оказывается, что где-то ночью они с ней оказались в одной кровати – кровати, на которой спали вместе уже три последних месяца.

В соседней комнате балаболит телевизор. Значит, Гленна еще была дома, не ушла в свою парикмахерскую. Он попросит ее довести его до врача. Облегчение, нахлынувшее при мысли о смерти, быстро прошло, и он уже страшился неизбежного будущего: как отец будет мужественно стараться не плакать, а мать будет надевать маску деланой жизнерадостности, и все эти капельницы, процедуры, радиация, постоянная тошнота, больничная еда.

Иг прошел в соседнюю комнату, где сидела на кушетке Гленна в топе с надписью Guns N' Roses и вылинявших пижамных штанах. Поставив локти на кофейный столик, она подалась всем телом вперед и запихивала в широко открытый рот остатки пончика. На столике стояли коробки с трехдневными магазинными пончиками и двухлитровая бутылка диетической кока-колы. Она смотрела дневное ток-шоу.

Услышав, как он вошел, Гленна бросила на него укоризненный взгляд и снова уставилась в телевизор. Сегодняшняя программа называлась «Мой лучший друг – социопат». Вислобрюхие деревенские мужики готовились швыряться друг в друга стульями.

Рогов Гленна не заметила.

– Кажется, я болен, – начал Иг.

– Не канючь, – сказала Гленна. – У меня у самой с похмелья голова трещит.

– Нет. Я в смысле... взгляни на меня. Я нормально выгляжу?

Он спрашивал потому, что хотел быть уверенным.

Гленна медленно повернула голову и взглянула на него исподлобья. На ней все еще был вчерашний грим, немного размазанный. У Гленны было гладкое, приятное округлое лицо и гладкое, приятных форм тело. Она почти могла бы работать моделью, если бы надо было рекламировать и фасоны, и размер. Она весила больше Ига фунтов на пятьдесят. И дело тут было не в ее толщине, а в его дурацкой костлявости. Она любила жариться из верхнего положения и, поставив локти Игу на грудь, выдавливала из него практически весь воздух, бездумный акт эротической асфиксии. Иг, которому и так часто не хватало дыхания, знал весьма знаменитых людей, погибших от эротической асфиксии. Как ни странно, это были по преимуществу музыканты. Кевин Гилберт. Хидэто Мацумото, по всей вероятности. О Майкле Хатченсе, конечно же, в данный момент вспоминать не хотелось. Дьявол внутри. Внутри каждого из нас².

– Ты еще не очухался? – спросила Гленна.

² Аллюзия на песню Devil Inside австралийской группы INXS, лидер которой, Майкл Хатченс, повесился в 1997 г.

Когда Иг не ответил, она покачала головой и снова уставилась на экран.

Так что все было ясно. Если бы она их видела, то вскочила бы на ноги и заорала. Но она их не видела просто потому, что их не было. Они существовали только в Иговом мозгу. Возможно, взгляни Иг сейчас на себя в зеркало, он бы тоже их не увидел. Но когда Иг взглянул на свое отражение в оконном стекле, рога оказались на прежнем месте. Из глубины стекла на него таранилась блестящая полупрозрачная фигура, некий демонический дух.

– Думаю, мне нужно к врачу, – сказал он Гленне.

– А ты знаешь, что нужно *мне*? – спросила она.

– Что?

– Еще один пончик, – сказала Гленна, заглянув в открытую коробку. – Как ты думаешь, еще один пончик будет о'кей?

– А что тебя держит? – спросил Иг ровным незнакомым голосом.

– Я уже съела один и совсем не голодна. Я просто хочу его съесть. – Гленна повернула голову и взглянула на него перепуганно-жалко и умоляюще. – А я бы хотела съесть всю коробку.

– Всю коробку, – повторил Иг.

– Я не хочу даже пользоваться руками. Мне хочется просто залезть в коробку мордой и жевать. Я знаю, что это грубо и некрасиво. – Она пересчитала пончики, трогая их поочередно пальцем. – Шесть. Думаешь, это будет о'кей, если я съем еще шесть пончиков?

Игу с трудом думалось о чем-либо, кроме собственной тревоги и ощущения тяжести в висках. То, что она сейчас сказала, не имело никакого смысла, было еще одной частью противоестественного, похожего на дурной сон утра.

– Если ты сейчас треплешься, так лучше кончай. Я же сказал тебе, что плохо себя чувствую.

– Я хочу еще один пончик, – сказала Гленна.

– Ну и с богом, вперед. Это ничуть меня не колышет.

– Ладно, так я и сделаю. Если ты думаешь, что это нормально.

Гленна вытряхнула из коробки пончик, разорвала его на три части и начала жевать, засовывая в рот кусок за куском и даже не глотая.

Вскоре у Гленны во рту оказался весь пончик, ее щеки надулись. Она негромко поперхнулась, глубоко втянула воздух носом и начала глотать. Иг взирал на это с отвращением. Прежде он ни разу не видел, чтобы она делала что-нибудь подобное, да и вообще не видел, чтобы кто-нибудь делал что-нибудь подобное с того времени, как они младшеклассниками дурачились в школьной столовой. Покончив с пончиком, Гленна несколько раз судорожно вздохнула, обернулась и бросила на него тревожный, озабоченный взгляд.

– Мне это даже не нравится, – сказала она. – Живот заболел. Как ты думаешь, съесть мне еще один?

– Зачем тебе есть этот пончик, если у тебя живот болит?

– Чтобы растолстеть по-настоящему. Не так, как сейчас. Растолстеть так, чтобы ты не хотел иметь со мной никакого дела. – Кончик ее языка высунулся и потрогал верхнюю губу – это был признак крайней задумчивости. – Прошлой ночью я сделала нечто отвратительное. Я хочу тебе об этом рассказать.

У Ига снова промелькнула мысль, что в действительности ничего этого не происходит. У него своего рода горячечный бред, навязчивый и настоятельный, убедительный в мельчайших деталях. По экрану телевизора пробежала муха. За окном по улице прошуршала машина. Один момент естественным образом следовал за другим, все это складывалось в реальность. Иг был спец по сложению. В школе математика давалась ему лучше всего, после этики, которую и за предмет-то трудно считать.

– Пожалуй, мне не хочется знать, что ты там натворила.

– Потому-то я и хочу рассказать. Чтобы тебя затошнило. Чтобы дать тебе предлог уйти. Меня буквально бесит то, что тебе пришлось пережить и что о тебе говорят, но я уже не в силах просыпаться по утрам с тобой под боком. Я просто хочу, чтобы ты ушел, и если рассказать тебе, что я сделала, рассказать эту мерзость, то ты уйдешь, и я снова буду свободна.

– А что обо мне говорят люди?

Иг задал этот глупый вопрос, ответ на который был ему слишком известен.

– Про то, что ты сделал с Меррин. Про то, что ты сдвинутый сексуальный маньяк и всякое в этом роде.

Иг смотрел на нее как зачарованный. Каждая ее новая реплика была кошмарнее предыдущей – и с какой легкостью она ему все это выкладывала. Без малейшего стыда или неловкости.

– Так что же ты хотела мне сказать?

– Прошлой ночью, когда ты куда-то исчез, я наткнулась на Ли Турно. Помнишь Ли, с которым я гуляла в старших классах?

– Помню, – кивнул Иг.

Они с Ли были в другой его жизни друзьями, но все это осталось в прошлом, умерло вместе с Меррин. Весьма затруднительно поддерживать с кем-то близкую дружбу, когда тебя подозревают в том, что ты сексуальный маньяк и убийца.

– Прошлой ночью он был там же, в «Стейшн-хаусе», и, когда ты исчез, он мне поставил. Я не общалась с Ли уже целую вечность и совсем забыла, как легко с ним говорить. Ты же знаешь Ли, он ни на кого не глядит свысока. Он был со мной очень мил. Ты все не шел и не шел, и через какое-то время он сказал, что поищем тебя снаружи, а если тебя там нет, то он отвезет меня домой. Но когда вышли, мы стали целоваться, целоваться вовсю, как в те времена, когда мы с ним гуляли, и у меня голова пошла кругом, и я отсосала ему прямо там, на глазах у парней. Я в жизни не делала ничего такого психованного, разве что когда была девчонкой и сильно под кайфом.

Игу нужна была помощь. Ему нужно было уйти из этой квартиры. Здесь было слишком душно, невидимая рука стискивала ему грудь.

Гленна вновь наклонилась над коробкой с пончиками, лицо ее было совершенно безмятежным, словно она ему рассказала нечто не слишком важное: что у них кончилось молоко или не течет горячая вода.

– Думаешь, ничего, если я съем еще один? – спросила она. – Живот вроде бы получше.

– Делай что хочешь.

Гленна повернула голову и взглянула на него. Ее светло-серые глаза блестели неестественным возбуждением.

– Ты это серьезно?

– Мне по хрену, – сказал Иг. – Жри, трескай, хавай.

Гленна улыбнулась, на ее щеках обозначились очаровательные ямочки, а затем наклонилась над столом, придерживая одной рукой коробку, сунулась в коробку лицом и начала есть. Она ела шумно, прилепывая губами и натужно дыша. Вскоре она снова поперхнулась, ее плечи дернулись, но она продолжала есть, проталкивая в рот все новые и новые пончики, хотя ее щеки уже надулись пузырем. Над ее головой возбужденно жужжала муха.

Иг проскользнул мимо кушетки по направлению к двери. Гленна перестала жевать и скосила глаза в его сторону. В ее взгляде был панический ужас, ее щеки и влажный рот были измазаны сахарной пудрой.

– Мм, – промычала она. – Ммм.

Было не разобрать, стонет она страдальчески или в экстазе.

На уголок ее рта опустилась муха. Иг видел ее буквально секунду – затем язык Гленны выскочил наружу, и она поймала муху рукой и языком одновременно. Когда она отвела руку, мухи уже не было. Ее челюсти ритмично работали, перетирая все, что попало к ней в рот.

Иг открыл дверь и выскользнул наружу. Когда он закрывал за собой дверь, Гленна снова тыкалась лицом в коробку... ныряльщик, наполнивший легкие воздухом и вновь бросающийся в пучину.

3

Иг доехал до «Современной клиники», где обслуживали без предварительной записи. Маленькая приемная была набита почти битком, чересчур натоплена и все время оглашалась детским визгом. Визг исходил от маленькой девочки, лежавшей посреди комнаты, которая попеременно то громко всхлипывала, то визжала, то хватала воздух ртом. Ее мать, сидевшая на приставленном к стене стулу, склонилась над ней, яростно изливая на нее поток угроз, проклятий и советов умолкнуть сейчас же, пока не поздно. Она попыталась схватить дочку за лодыжку, но та пинком отшвырнула ее руку.

Остальные пациенты подчеркнуто игнорировали эту сцену, глядя в какие-то журналы или в телевизор с выключенным звуком, висевший в углу. Здесь тоже шла передача «Мой лучший друг – социопат!». Когда вошел Иг, некоторые из пациентов взглянули на него с надеждой, решив, что это пришел папаша девочки и сейчас он уведет ее наружу, чтобы хорошенько выпороть. Но, приглядевшись к Игу получше, они сразу поняли, что тут помощи не дождешься.

Иг жалел, что ничего не надел на голову. Он приставил ко лбу ладонь, словно чтобы защитить глаза от яркого света, но в действительности надеясь скрыть рога. Если кто-нибудь их и заметил, то виду никто не подал.

В дальнем конце приемной было окошко в стене, за которым сидела женщина с компьютером. Секретарша неприязненно смотрела на мать орущей девочки, но когда перед ней появился Иг, она вскинула глаза, и губы ее изогнулись в улыбке.

– Здравствуйте. Вам что? – спросила она, заранее пододвигая к себе какие-то бланки.

– Я хочу, чтобы доктор кое на что взглянул, – сказал Иг, слегка приподняв руку, чтобы показать рога.

Секретарша, сощурившись, оглядела их и сочувственно поджала губы.

– Да, тут что-то не то, – сказала она и повернулась к компьютеру.

Иг мог ожидать любую реакцию, но уж всяко не такую. Она среагировала на рога, словно он показал ей сломанный палец или небольшое воспаление, но главное – она на них *среагировала*. Она их увидела. Только если секретарша их действительно увидела, можно было понять, почему она поджала губы и отвела глаза.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов. Имя?

– Игнатиус Перриш.

– Возраст?

– Двадцать шесть.

– Вы обращались к врачу по месту жительства?

– Я не был у врача уже не знаю сколько лет.

Секретарша подняла голову, задумчиво взглянула на Ига и нахмурилась; он даже подумал, что сейчас она устроит ему нагоняй за то, что он пренебрегает регулярными осмотрами. Девчонка вопила еще громче, чем прежде. Иг оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как она ударила мать по колену красной пластиковой пожарной машиной, одной из игрушек, сложенных в углу для развлечения скучающих детей. Мать выхватила игрушку у нее из рук; тогда девчонка снова рухнула на спину и начала дергать в воздухе ногами – ни дать ни взять перевернутый таракан, – вопя при этом с новой силой.

– Я хочу сказать ей, чтобы она заткнула эту мерзкую тварь, – заметила секретарша, словно продолжая милую светскую беседу. – А вы что об этом думаете?

– У вас нет ручки? – спросил Иг, у которого вдруг пересохло во рту, и взялся за пюпитр с бланками. – Я сам заполню анкету.

Плечи секретарши поникли, улыбка исчезла.

– Конечно, – сказала она и подсунула Игу ручку.

Иг повернулся к ней спиной, взглянул на бланки, прикрепленные к пюпитру, но не смог сфокусировать глаза.

Секретарша видела рога, но не считала их чем-то необычным. А затем она сказала фразу насчет этой вопящей девчонки и ее беспомощной матери. *Я хочу сказать ей, чтобы она заткнула эту мерзкую тварь.* Она хотела знать, считает ли он, что это будет нормально. То же самое было и с Гленной, спрашивавшей, будет ли нормально залезть мордой в коробку с пончиками и жрать их, как свинья из корыта.

Иг оглянулся в поисках места, где сесть. Пустых стульев было ровно два: слева и справа от матери. Когда Иг подошел, девчонка набрала побольше воздуха и испустила пронзительный вопль, от которого задрожали оконные стекла, а кое-кто из присутствующих непроизвольно дернулся. Приближаться к источнику этого звука было как идти на ураган.

Когда Иг сел, мать обвисла на стуле, постукивая себя по ноге скрученным в трубку журналом: Иг понимал, что ей сейчас хотелось иметь в руке что-нибудь другое, потяжелее. Маленькая девочка, похоже, выдохлась от этого последнего крика и лежала теперь на спине; по покрасневшему некрасивому лицу градом катились слезы. Ее мать тоже покраснелась. Взглянув на Ига, она на мгновение закатила глаза, словно ища сочувствия. Ее взгляд коснулся его рогов и тут же передвинулся дальше.

– Вы уж простите нам все эти вопли, – сказала она и просительно тронула руку Ига.

И когда она это сделала, когда Ига коснулась ее кожа, он откуда-то узнал, что ее звать Элли Леттеруорт и что четыре последних месяца она регулярно спит со своим инструктором по гольфу, встречаясь с ним в мотеле на обратном пути с поля. В последний раз они уснули после долгого энергичного траханья, и мобильник Элли был отключен, так что она пропустила всё более отчаянные звонки из дневного летнего лагеря, где находилась ее дочка: воспитатели хотели знать, куда она подевалась и думает ли забирать свою девчонку. Когда Элли в конце концов примчалась с опозданием на два часа, ее дочка билась в истерике с багровым лицом и соплями, текущими из носа; глаза девочки стали совершенно дикими, и Элли пришлось купить ей шестидолларовую новомодную игрушку и банановый сплит, чтобы успокоилась и перестала вопить, иначе муж Элли догадался бы, что происходит. Знай она заранее, какая это тягомотина – возиться с ребенком, в жизни не стала бы заводить.

Иг инстинктивно от нее отдернулся.

Девочка начала что-то ворчать и топтать ногой по полу. Элли Леттеруорт вздохнула, наклонилась к Игу и сказала:

– Мне бы очень хотелось дать пинка ей в задницу, только я боюсь, что скажут тогда эти люди. Вы думаете...

– Нет, – сказал Иг.

Он не мог знать все эти вещи про нее, однако знал их так же, как ее адрес и номер телефона. Точно так же он знал с высочайшей уверенностью, что Элли Леттеруорт не стала бы беседовать с посторонним человеком насчет того, чтобы дать пинка своей дочери. Она сказала это так, словно говорила сама с собой.

– Нет, – повторила Элли, открыла свой журнал и тут же дала ему закрыться. – Пожалуй, и правда не стоит. Я вот тут думаю, не стоит ли мне встать и уйти. Просто оставить ее здесь и уехать. Я буду жить у Майкла, прятаться от мира, пить джин и непрерывно трахаться. Мой муж возбудит дело об оставлении супруга и ребенка, но какая мне разница? Вот вы – вы хотели бы получить частичную опеку над этим существом?

– Майкл, – спросил Иг, – это ваш инструктор по гольфу?

Элли кивнула, мечтательно улыбнулась и сказала:

– Самое смешное, знай я, что Майкл – ниггер, в жизни не записалась бы на его уроки. До Тигра Вудса³ в гольфе не было никаких черножопых, кроме как чтобы подносить клюшки, – только там и можно было от них спрятаться. Вы же знаете, какие эти черномазые, всегда висят на своих мобильниках, и что ни слово – фак это и фак вот это, а как они смотрят на белых женщин! Но Майкл, он образованный и говорит получше другого белого. А что говорят про черные члены, так это все правда. Я пилилась с уймой белых парней, и ни один из них не был оснащен так, как Майкл. – Она улыбнулась, наморщив свой носик, и добавила: – Мы называем это «большая клюшка».

Иг вскочил на ноги, подошел к окошку, торопливо нацарапал ответы на немногие вопросы анкеты и протянул пюпитр секретарше.

За его спиной раздался истошный детский вопль:

– *Нет!* Нет, я *не буду* сидеть!

– Пожалуй, я должна что-то сказать матери этой девочки, – сказала секретарша, глядя мимо Ига на женщину с дочерью и не обращая внимания на заполненную анкету. – Конечно, она не виновата, что ее дочь – визгливое дерьмо, но я точно обязана кое-что ей сказать.

Иг взглянул на девочку и Элли Леттеруорт. Элли снова наклонилась над дочкой, тыкала ее свернутым журналом и что-то угрожающе шипела. Иг повернулся к секретарше.

– Конечно, – сказал он, не понимая, о чем разговор.

Секретарша раскрыла было рот, но потом запнулась, озабоченно глядя на Ига.

– Мне бы только не хотелось устраивать тут безобразную сцену.

В кончиках его рогов запульсировал неприятный жар. Что-то в нем до крайности удивилось – а ведь он не носил рога еще и часа – тому, что она медлила воспользоваться полученным от него разрешением.

– Это в каком же смысле вам бы не хотелось устраивать сцену? – спросил Иг, беспокойно подергав себя за бородку, которую сейчас отращивал. Любопытно посмотреть, сможет ли он сломать сопротивление секретарши. – Просто удивительно, как много люди позволяют сейчас детям. Слегка поразмыслив, вы вряд ли станете винить ребенка, чьи родители не могут научить его хорошим манерам.

Секретарша улыбнулась сухо и благодарно. При виде этой улыбки его рога окатило приятным холодом.

Секретарша встала и взглянула мимо него на женщину с девочкой.

– Мадам? – окликнула она. – Можно вас на секунду, мадам?

– Да?

Элли Леттеруорт с надеждой вскинула глаза, возможно ожидая, что ее дочку сейчас позвут к врачу.

– Я понимаю, что ваша дочь очень расстроена, но если вы не в силах ее успокоить, не кажется ли вам, что нужно, на хрен, хоть немножко думать о сидящих здесь людях и вам бы стоило вытащить свою толстую жопу наружу, где нам не придется слушать эти омерзительные визги? – спросила секретарша, улыбаясь пластиковой, словно приклеенной улыбкой.

От лица Элли Леттеруорт отхлынула кровь, оставив на ее восковых щеках только несколько ярко-красных пятен. Она держала девочку за запястье. Лицо у той стало безобразно багровым, она выдергивалась и впивалась в руку Элли своими ноготками.

– Что? Что вы сказали?

– Моя голова! – воскликнула секретарша, перестав улыбаться и с силой постукав себя по правому виску. – Если ваша девчонка не заткнется, моя голова лопнет, и...

– Долбись ты конем! – крикнула Элли Леттеруорт, поднимаясь на ноги.

– ...имей ты хоть немного сочувствия к сидящим здесь людям...

³ Элдрик Тонт Вудс (р. 1975) по кличке Тайгер (Тигр) – знаменитый темнокожий гольфист.

- Засунь это все себе в жопу!
- ...ты схватила бы эту свою визгливую свинью за ее лохмы и вытащила, на хрен...
- Ты, усохшая шагна!
- ...так нет же, ты торчишь здесь и дрочишься...
- Пошли, Марси, – сказала Элли, дергая дочку за руку.
- Нет! – завизжала девочка.
- Я сказала: пошли! – повторила мать, волоча ее к выходу.

На пороге наружной двери Марси Леттеруорт все-таки вырвалась из материнской хватки и бросилась назад, однако споткнулась о пожарную машину и упала на четвереньки. Она испустила пронзительный вопль, превосходивший все прежние, и перекатилась на бок, держась руками за окровавленную коленку. Ее мать не обращала на дочку никакого внимания, а швырнула свою сумочку на пол и начала орать на секретаршу, отвечавшую ей в том же духе. В рогах Ига запульсировало странно-приятное ощущение тяжести и исполненности.

Иг был ближе к девочке, чем кто-нибудь другой, а мать все не шла ей на помощь. Он взял ее за запястье и поставил на ноги. Когда он коснулся девочки, то сразу узнал, что звать ее Марсия Леттеруорт, что сегодня утром она нарочно вывалила весь свой завтрак матери на колени, потому что мать заставляет ее идти к доктору, чтобы выжечь бородавки, а она не хочет, потому что это будет больно, а мать ее злая и глупая. Марсия взглянула Игу прямо в лицо; ее полные слез глаза были ясного ярко-синего цвета, как пламя паяльной лампы.

– Я ненавижу мамочку, – сказала она Игу. – Мне хочется запалить спичками ее кровать. Мне хочется сжечь ее, чтобы ее не стало.

4

Сестричка, взвешивавшая Ига и измерявшая давление, сообщила ему, что ее бывший муженек встречается с девицей, которая ездит на желтом спортивном «Саабе». Сестричка знала, где она паркуется, и хотела сходить туда в обеденный перерыв, чтобы украсить машину длинной глубокой царапиной. А еще она хотела подложить на сиденье водителя собачье дерьмо. Иг сидел на столе для осмотра совершенно неподвижно, сжав руки в кулаки, и ничего не говорил.

Когда сестра снимала манжетку для измерения давления, ее пальцы коснулись голой руки Ига, и тот сразу узнал, что она уже много раз калечила чужие машины: учителя, поймавшего ее со шпаргалкой; подруги, разболтавшей секрет; юриста ее бывшего мужа за то, что он юрист ее бывшего мужа. Иг видел ее в двенадцатилетнем возрасте, как она царапает гвоздем отцовский черный «Олдсмобиль», проводя во всю длину машины безобразную белую линию.

В доврачебном кабинете было слишком холодно, кондиционер работал на полную, и к тому времени, как появился доктор Ренальд, Иг уже дрожал – и от холода, и от нервного ожидания. Он наклонил голову и показал свои рога. Он сказал доктору, что не может разобраться, что реально, а что нет. Он сказал, что у него галлюцинации.

– Люди все время мне рассказывают разные вещи, – сказал Иг. – Ужасные вещи. Говорят мне всякое, что им хотелось бы сделать, такое, что никто бы не признался, что он хочет это сделать. Маленькая девочка только что рассказала мне, что хотела бы сжечь свою мать. Ваша сестричка мне рассказала, что хочет испортить машину какой-то девушки. Я боюсь. Я не знаю, что со мной происходит.

Доктор осмотрел рога и озабоченно нахмурился.

– Это рога, – констатировал он.

– Я знаю, что это рога.

Доктор Ренальд покачал головой.

– Кончики воспалены. Болят?

– Да нет.

– Ха, – сказал доктор и провел себе рукой по губам. – Ну-ка мы их измерим.

Он измерил сантиметровой лентой окружность основания, измерил расстояние от кончика до кончика и нацарапал на рецептурном бланке несколько цифр. Затем он ощупал рога мозолистыми пальцами, лицо его стало серьезным, и Иг узнал нечто, чего бы он знать не хотел. Он узнал, что несколько дней назад доктор Ренальд стоял в своей спальне, глядя в щель между занавесками на подруг своей семнадцатилетней дочери, плескавшихся в бассейне, – и мастурбировал при этом. Доктор отступил на шаг, в его старых серых глазах гнездилась тревога. Похоже, он приходил к решению.

– Вы знаете, что мне хотелось бы сделать?

– Что? – спросил Иг.

– Мне хочется растолочь таблетку оксиконтин и немного занюхать. Я обещал себе, что никогда не буду нюхать на работе, потому что сразу от этого тупею, но вряд ли смогу прождать еще шесть часов.

Иг не сразу, но догадался: доктор хочет услышать, что он об этом думает.

– А нельзя ли просто поговорить об этих штуках на моей голове? – спросил Иг.

Плечи врача уныло опустились, он отвернулся и медленно, прерывисто выдохнул.

– Послушайте, – начал Иг. – Пожалуйста Мне нужна помощь. Должен же кто-то мне помочь.

Доктор Ренальд с явной неохотой посмотрел на его голову.

– Я не знаю, происходит это или нет, – продолжил Иг. – Мне кажется, я схожу с ума. Но как это получается, что, увидев рога, люди почти не реагируют? Если бы я увидел кого-нибудь с рогами, я бы тут же обоссался.

Что, если правду говорить, и случилось, когда он впервые разглядел себя в зеркале.

– Их трудно запомнить, – объяснил врач. – Как только я взгляну куда-нибудь в сторону, так тут же забываю, что они у вас есть. Не знаю уж почему.

– Но сейчас-то вы их видите.

Доктор Ренальд кивнул.

– И вы никогда еще не видели ничего подобного?

– Вы уверены, что мне не нужно понюхать немного окси? – спросил врач, и его лицо вдруг просветлело. – Я и с вами поделюсь. А что, обдолбаемся вместе.

Иг отрицательно помотал головой.

– Послушайте, пожалуйста.

Врач состроил обиженную мину и неохотно кивнул.

– Как вышло, что не зовете сюда других врачей? Почему вы не воспринимаете это более серьезно?

– Честно говоря, – признался Ренальд, – мне довольно трудно сосредоточиться на вашей проблеме. Я все время думаю о таблетках, лежащих в портфеле, и об этой девице, с которой гуляет моя дочка, о Ненси Хьюз. Господи, как же мне хочется ее оттрахать! Но когда я так подумаю, то сразу пугаюсь, у нее же еще скобки на зубах.

– Пожалуйста, – сказал Иг. – Я спрашиваю ваше медицинское мнение – прошу о помощи. Что я должен сделать?

– Долбанные пациенты, – сказал доктор. – Все вы только и думаете, что о себе.

5

Иг вел машину. Он не думал куда, и пока что это не имело значения. Достаточно было двигаться.

Если и осталось на свете место, которое Иг мог называть своим, то разве что эта машина, «Гремлин» 1972 года. Квартира принадлежала Гленне. Она жила здесь до него и будет жить, после того как они разбегутся, что, видимо, уже случилось. Когда была убита Меррин, он на какое-то время вернулся к родителям, но так и не почувствовал себя там дома, он уже был не отсюда. Так что ему остался только автомобиль, бывший не только средством передвижения, но и местом обитания, пространством, где проживалась в основном его жизнь – и хорошая часть, и плохая.

Хорошая: заниматься здесь любовью с Меррин Уильямс, стучаться головой о крышу и коленом о коробку скоростей. Задние амортизаторы были очень тугие и скрипели, когда машина дергалась вверх-вниз; звук, заставлявший Меррин прикусывать губу, чтобы не рассмеяться, когда Иг двигался между ее ногами. Плохая: в ночь, когда Меррин была изнасилована и убита там, рядом со старой литейной, он, пьяный как свинья, спал в этой машине, спал и во сне ее ненавидел.

В машине можно было находиться, когда деваться было некуда и делать было нечего, кроме как кружить по Гидеону, страстно желая, чтобы что-нибудь случилось. Теми ночами, когда Меррин работала или занималась, Иг ездил кругами вместе со своим лучшим другом, высоким худощавым полуслепым Ли Турно. Они съезжали вниз к песчаной косе, где иногда их знакомые жгли костры; на берегу парковалось несколько грузовиков и всегда был холодильник, полный пива. Они сидели на капоте автомобиля, глядя, как взлетают и исчезают искры костра, и на огонь, отражавшийся в черной, быстро текущей воде. Они рассуждали о плохих способах умереть – предмет довольно естественный, если ты припарковался рядом с Ноулз-ривер. Иг говорил, что хуже всего утонуть, и он мог поддержать эту точку зрения своим личным опытом. Эта река однажды его поглотила, держала его под водой, силой лезла ему в горло. И как раз этот самый Ли Турно поплыл за ним и вытащил его на сушу. Ли сказал, что есть участи куда худшие, чем утонуть, что у Ига просто нет воображения. Ли сказал, что сгореть куда хуже, чем утонуть, но что же можно было от него ожидать, ведь у него был неприятный инцидент с горящей машиной. Оба они знали то, что они знали.

А лучше всего были ночи в машине в компании Ли и Меррин. Ли складывался на заднем сиденье – галантный от природы, он всегда давал Меррин возможность сидеть с Игом, – а затем вытягивался во всю длину, закинув ладонь тыльной стороной на лоб, Оскар Уайльд, застывший в отчаянии на своей кушетке. Они ездили в драйв-ин «Парадайз» и пили там пиво, в то время как психи в хоккейных масках гонялись за полуголыми девчонками, которые падали под цепную пилу под всеобщие крики и гудение клаксонов. Меррин называла это «двойные свидания»; Иг всегда был при ней, и Ли тоже всегда был при ней, по левую руку. Для Меррин половина удовольствия от таких прогулок заключалась в том, чтобы дразнить Ли, но тем утром, когда у Ли умерла мама, Меррин первая к нему примчалась, чтобы поддержать его, когда он рыдал взахлеб.

На какое-то мгновение Иг подумал, не навестить ли сейчас Ли; тот уже однажды вытащил Ига из пучины, может быть, так выйдет и сейчас. Но затем он вспомнил, что сказала Гленна ему час назад, этот жуткий бред, в котором она призналась над своими пончиками: «И у меня голова пошла кругом, и я отсосала ему прямо там, на глазах у парней». Иг попытался ощутить то, что ему полагалось ощутить, попытался ненавидеть их обоих, но не смог из себя выдавить даже паршивенькое презрение. Сейчас ему хватало других забот. Они росли из его долбаной башки.

И в любом случае нельзя было сказать, что Ли ударил его в спину, вытащил из-под него любимую девушку. Иг не был влюблен в Гленну и не думал, чтобы так было когда-нибудь прежде, – в то время как отношения Ли и Гленны имели свою историю. Когда-то, в далеком прошлом, они были любящей парочкой.

Конечно, в общем-то, друзья такого друг другу не делают, но Иг и Ли уже не были друзьями. После смерти Меррин Ли Турно как-то непринужденно, без открытой жестокости вычеркнул Ига из своей жизни. После того как нашли тело Меррин, были некоторые проявления спокойного искреннего сочувствия, но никаких заверений в поддержке, никаких предложений встретиться. Затем, по мере того как тянулись недели и месяцы, Иг обратил внимание, что только он иногда звонит Ли, никогда не наоборот, и что Ли не слишком-то старается поддерживать беседу. Ли всегда проявлял определенную эмоциональную отстраненность, и потому вполне возможно, что Иг не сразу и разобрал, насколько полностью он откинут. Но постепенно предлоги, выдвигаемые Ли для того, чтобы не прийти, чтобы не встретиться, сложились в ясную картину. Иг не слишком разбирался в людях, но всегда был силен в математике. Ли работал помощником у нью-гэмпширского конгрессмена и не мог иметь никаких отношений с главным подозреваемым в сексуальном убийстве. Между ними не было никаких ссор, никаких неприятных моментов. Иг воспринял это все безо всяких обид. Перед Ли – бедным, покалеченным, прилежным одиноким Ли – открывалось будущее. У Ига никакого будущего не было.

Может быть, потому, что Иг вспомнил песчаную косу, он припарковался на берегу Ноулз-ривер перед старым ярмарочным мостом. Если искать, где бы утопиться, лучшего места было и не придумать. Коса растянулась на добрую сотню футов, а потом спадала обрывом в глубокий быстрый синий поток. Можно было набить карманы камнями и просто войти поглубже, а можно было взобраться на мост и спрыгнуть, тут было достаточно высоко. Для полной уверенности стараться попасть не в воду, а на камни. Сама уже мысль об ударе заставила его поморщиться. Он вышел из машины, сел, прислонившись к капоту, и начал слушать рев грузовиков, пронесившихся высоко над ним и сплошь почему-то в южном направлении.

Он бывал здесь очень много раз. Как и старая литейная на Семнадцатом шоссе, эта коса тянула к себе молодежь, слишком молодую для того, чтобы куда-нибудь осмысленно тянуться. Он вспомнил, как они с Меррин однажды попали под дождь и спрятались под этим мостом. Они еще учились в школе, и никто из них не умел водить машину, да и машин у них не было. Сидя на склоне, на поросших травой булыжниках, они по-братски разделили вымокшую корзину жареных ракушек. Было так холодно, что их дыхание обозначалось облачками пара, и он держал ее мокрые замерзшие руки в своих.

Иг нашел грязную позавчерашнюю газету, и они попробовали ее читать, а когда ничего из этого не вышло, Меррин сказала, что нужно сделать что-нибудь духоподъемное. Что-нибудь, что улучшит настроение любому, кто посмотрит на реку под дождем. Плюнув на морозящий дождь, они взбежали по склону, купили в придорожном магазинчике свечи для именинного пирога и тут же сбежали вниз. Меррин научила его делать из газеты кораблики; они стали зажигать свечи, ставить их в кораблики и отпускать по воде – длинная цепочка маленьких огоньков, медленно уплывающая в пропитанную влагой темноту.

– Вместе мы способны на великие дела, – сказала Меррин; ее холодные губы были так близко от его уха, что Иг зябко вздрогнул; ее дыхание пахло ракушками. Она все время дрожала, борясь с приступом хохота. – Игги Перриш и Меррин Уильямс делают мир лучше и привлекательнее, по бумажному кораблику за раз.

Она либо не замечала, либо притворялась, что не замечает, как кораблики наполняются водой и тонут, отплыв от берега не больше чем на сотню ярдов, свечи гаснут одна за другой.

Воспоминание, как все это было и каким он был, когда они были вместе, остановило бешеный, неудержимый вихрь мыслей в его голове. Впервые, пожалуй, после пробуждения Иг смог сделать серьезную попытку разобраться, что же это с ним происходит.

Он вновь рассмотрел возможность полного разрыва с реальностью: что все, испытанное им за этот день, – чистейший плод воображения. Это был бы не первый раз, когда Иг путал фантазию с реальностью, и он знал, что весьма подвержен фантастическим религиозным галлюцинациям. Он не забывал вечер, проведенный в Древесной хижине разума. За последние восемь лет не было, пожалуй, и дня, когда бы он о ней не вспомнил. Конечно же, если эта хижина была фантазией – а все прочие объяснения не имеют смысла, – это была общая фантазия на двоих. Они с Меррин нашли домик на дереве вместе, и то, что там приключилось, стало одним из тайных узлов, привязывавших их друг к другу, давало пищу для размышлений, когда ночью вести машину становилось скучно или когда они оба просыпались от раскатов грома и не могли снова уснуть. «Я знаю, что это возможно, когда у нескольких людей одна и та же галлюцинация, – сказала как-то Меррин. – Я только не думала, что такое возможно и со мной».

Но если считать рога всего лишь особо навязчивой пугающей иллюзией, давно назревавшим прыжком в безумие, возникала проблема: все равно же он имел дело с той реальностью, которую видел. Если события все равно происходили, не было смысла убеждать себя, что они происходят только в его голове. Его веры здесь не требовалось, его неверие не влекло за собой никаких последствий. Сколько бы он ни трогал свою голову, рога никуда не девались. И даже если он их не трогал, то все равно ощущал их болезненно чувствительные кончики, обдуваемые прохладным ветром. В рогах ощущалась твердая убедительная плотность кости.

Погруженный в размышления, Иг даже не услышал, как по склону съехала патрульная машина, съехала, закрипела гравием и остановилась чуть позади «Гремлина», ее сирена коротко взвыла. Сердце Ига болезненно дернулось, и он повернулся на звук sireны. Один из полицейских успел уже высунуться из окошка своей машины.

– В чем дело, Иг? – спросил коп, который был не просто копом, а копом по фамилии Штурц.

На Штурце была туго облегающая рубашка с короткими рукавами, из которых выглядывали руки, обожженные солнцем до золотисто-коричневого цвета. Со своими выгоревшими, пшеничного цвета волосами и зеркальными очками он вполне годился на рекламу сигарет.

Его напарник, сидевший за баранкой, – Посада – пытался выдерживать тот же стиль, но далеко недотягивал. Он был слишком крупного телосложения, и кадык его заметно торчал. У них у обоих имелись усы, но на Посаде усы смотрелись изящно и чуть комично, словно у французского метрдотеля из какой-нибудь комедии с Кэри Грантом.

Штурц ухмыльнулся. Штурц всегда радовался встречам. Ига совсем не радовали встречи с полицией, и особенно он предпочитал избегать Штурца и Посаду, которые со времени смерти Меррин повадились изводить Ига, задерживая его за превышение скорости на какие-нибудь пять миль, обыскивая его машину, выписывая штрафы за подозрительное поведение, за то, что он вообще живет.

– А ни в чем, – ответил Иг. – Просто остановился.

– Ты стоишь здесь уже полчаса, – сказал Посада и следом за своим напарником вылез из машины. – Женщина, живущая рядом, даже забрала своих детей домой, потому что ты ее пугаешь.

– А как бы она испугалась, – добавил Штурц, – если бы знала, кто ты такой. У нас появился забавный сосед, сексуальный извращенец, подозреваемый в убийстве.

– Но если говорить о более веселом, он никогда не убивал детей.

– Пока не убивал, – добавил Штурц.

Посада расхохотался.

– Положи ладони на крышу машины! – скомандовал Штурц. – Я хочу тут посмотреть.

Иг был рад отвернуться от него и от вони его подмышек. Он прижался лбом к стеклу окошка с водительской стороны. Стекло приятно холодило.

Штурц обогнул машину и подошел к багажнику. Посада стоял прямо за Игом.

– Мне нужны ключи, – сказал Штурц.

Иг убрал правую руку с крыши и полез уже было в карман.

– Руки на крышу! – скомандовал Посада. – Я сам достану. В каком кармане?

– В правом, – ответил Иг.

Посада засунул руку в передний карман Ига и подцепил согнутым пальцем кольцо с ключами. Немного ими позвякав, он перебрал их Штурцу. Штурц ловко поймал ключи и открыл багажник.

– Мне бы хотелось, – сказал Посада, – снова сунуть руку тебе в карман и задержать ее там подольше. Знал бы ты, как мне трудно не использовать свое положение копа, для того чтобы немного пощупать. Безо всяких шуток. Коп. Ха! Я в жизни не мог себе представить, какая значительная часть моей работы связана с надеванием наручников на мощных полуголых мужиков. Должен признаться, я не всегда веду себя с ними так уж корректно.

– Посада, – сказал Иг, – чего бы тебе не намекнуть Штурцу, какие чувства ты к нему испытываешь.

Когда он это говорил, в его рогах запульсировала кровь.

– Ты думаешь? – спросил Посада. В его голосе не звучало большого удивления, только любопытство. – Я тоже иногда так думал, но ведь он же, наверное, двинет меня в нос.

– Ни в коем разе. Спорю на что угодно: он давно уже ждет, чтобы ты так сделал. А почему, ты думаешь, он оставляет расстегнутой верхнюю пуговицу рубашки?

– Да, я заметил, что он никогда не застегивает эту пуговицу.

– Просто расстегни молнию на его ширинке – и вперед. Удиви его, застань врасплох. Он небось давно уже ждет, чтобы ты начал первым. Только не делай ничего такого, пока я не уеду, ладно? Такие поступки совершаются приватно.

Посада приложил руки лодочкой ко рту и выдохнул, пробуя на запах свое дыхание.

– Вот же черт, – сказал он, – я не чистил сегодня зубы, – и тут же прищелкнул пальцами. – Да, в бардачке есть бутылка «Биг ред».

Он повернулся и пошел к патрульной машине, что-то бормоча себе под нос.

Багажник громко захлопнулся, и Штурц с важным видом подошел к Игу.

– Мне бы хотелось иметь причину тебя арестовать. Мне бы хотелось, чтобы ты распустил руки. Я могу соврать, что ты до меня дотронулся. Сделал мне предложение. Со своими манерными разговорчиками и глазами вечно на мокром месте ты сильно смахиваешь на пидора. Я не верю, что Меррин Уильямс хоть раз допускала тебя в свои джинсы. Кто бы там ее ни изнасиловал, это был, наверно, первый порядочный трах во всей ее жизни.

У Ига было ощущение, будто он проглотил горячий уголь и тот застрял где-то в районе его груди.

– А что бы ты сделал с парнем, который бы тебя тронул?

– Я бы засунул свою дубинку ему в жопу. И спросил бы мистера Гомо, как ему это нравится. – Штурц поразмыслил секунду, а потом добавил: – Если бы только я не был пьяный. Пьяный, я, наверно, дал бы ему у меня отсосать. – Он помолчал еще секунду и спросил с надеждой в голосе: – Так ты будешь меня трогать, чтобы я мог засунуть...

– Нет, – мотнул головой Иг. – Но ты, Штурц, пожалуй, прав насчет геев. Тут нужно проводить четкую линию. Если позволить мистеру Гомо тебя лапать, все подумают, что ты тоже гомо.

– Я знаю, что я прав и безо всяких твоих разговоров. Ладно, мы тут с этим делом покончили. Поезжай. Я не хочу, чтобы ты и дальше ошивался под этим мостом. Ты меня понял?

– Да.

– Правду говоря, я хотел бы, чтобы ты тут ошивался. С наркотиками в бардачке – а тут и мы. Ты меня понимаешь?

– Да.

– Ну и ладушки. Я тебе объяснил, ты меня понял. А теперь чеши отсюда.

Штурц уронил Иговы ключи на землю.

Иг подождал, пока он отойдет, а затем нагнулся, подобрал ключи и сел за баранку «Гремлина». Потом взглянул в зеркальце заднего обзора на патрульную машину. Штурц уже сидел на пассажирском месте с блокнотом в руках, явно раздумывая, что бы такое написать. Посада повернулся на своем сиденье и глядел на напарника со смесью тоски и желания. В тот момент, когда Иг тронул машину с места, Посада быстро облизнулся и нырнул под приборную панель.

6

Иг проехал вниз по реке, стараясь придумать какой-нибудь план, но и после долгих размышлений в голове его была такая же каша, как и час назад. Он подумал было о родителях и даже проехал пару кварталов в направлении их дома, но затем нервно крутнул баранку, свернув на боковую дорогу. Он нуждался в помощи, но почти не надеялся получить эту помощь от них. Ему страшно было даже подумать, на что он может там напороться... какие у них могут быть тайные желания. Что, если его мать страстно желает трахаться с маленькими мальчиками? А если отец?

И вообще после смерти Меррин все между ними изменилось. Им было больно видеть, каким он стал после этого убийства. Они не желали знать, как он сейчас живет, ни разу не были у Гленны дома. Гленна спрашивала, почему бы им не пообедать как-нибудь вместе, и почти уже прямо обвиняла Ига, что он ее стесняется, как, собственно, и было. Кроме того, они болезненно воспринимали тень, ложившуюся на них, ведь было прекрасно известно, что Иг изнасиловал и убил Меррин Уильямс и вышел сухим из воды, потому что его богатенькие, имеющие связи родители сразу же стали дергать за веревочки и выкручивать руки, вовсю мешая следствию.

Его отец был какое-то время мелкомасштабной знаменитостью. Он играл вместе с Синатрой и Дином Мартином, записывался вместе с ними. Он записывал и свои пластинки, для лейбла «Блю тон», в конце шестидесятых – начале семидесятых, четыре штуки, и даже попал в «Топ-100» с мечтательным куловым инструменталом Fishin' with Pogo. Он женился на танцовщице из Вегаса, появлялся на экранах телевизора и в конце концов осел в Нью-Гэмпшире, чтобы Игова мамаша могла находиться поближе к своей семье. Позднее он стал почетным профессором Берклиевского музыкального колледжа и иногда играл с оркестром легкой симфонической музыки «Бостон-попс»

Игу всегда нравилось слушать отца, смотреть на него, когда он играет. Было не совсем верно говорить, что его отец играет. Иногда казалось наоборот: это труба на нем играет. Его щеки надувались, а затем опадали, словно он выдыхал в трубу весь воздух; золотые клапаны словно хватали его пальцы маленькими магнитами, заставляя их плясать неожиданными поразительными порывами. Он зажмурился, пригнул голову и начинал раскачиваться, как будто его тело было буравом, вгрызавшимся все глубже и глубже в самый центр его существа, извлекая музыку откуда-то из глубин живота.

Старший брат Ига пошел по той же самой линии и добился даже больших, пожалуй, успехов. Теренс был в телевизоре ежедневно, вел собственную музыкально-комическую ночную программу «Хот-хаус», нагло потеснив акул вечернего эфира. Терри играл на трубе в самых фантастических смертельных ситуациях. Исполнял вместе с Аланом Джексоном Ring o'Fire в самом натуральном кольце огня, исполнял вместе с Норой Джонс High and Dry, когда оба они сидели в баке, наполнявшемся водой. Звучало все это паршивенько, но картинка была роскошная. Терри теперь греб деньги лопатой.

Он тоже имел свою манеру играть, отличную от папиной. Его грудь так надувалась, что начинало казаться, будто сейчас от рубашки отлетят все пуговицы. Его глаза выпучивались, придавая ему постоянно удивленный вид. Он дергался в поясе, подобно метроному. Его лицо сияло неземным счастьем, и иногда начинало казаться, что труба его захлебывается от хохота. Он унаследовал от их отца драгоценнейший дар: чем больше он что-нибудь репетировал, тем менее отрепетированным казался этот номер, тем более естественно он звучал.

Когда они были тинейджерами, Иг ненавидел слушать, как играет брат, и цеплялся за любой доступный повод, лишь бы не идти с родителями на концерт с его участием. Он страдал животом от зависти, не мог уснуть перед большим представлением, устроенным Терри у них в школе. Особенно он ненавидел, когда за игрой Терри наблюдала Меррин; его доводил

до бешенства восторг на ее лице, ее зачарованность его музыкой. Когда она раскачивалась под свинг, исполняемый Терри, Игу представлялось, что брат хватает ее за бедра невидимыми руками. Но все это осталось в прошлом. Он давным-давно пережил все это и, правду говоря, имел теперь единственную радость: смотреть «Хот-хаус», когда играет Терри.

Иг бы тоже играл, если бы не астма. Он не мог набрать в грудь воздуха достаточно, чтобы труба звучала как надо. Он знал, что отец хочет, чтобы он играл, но при каждой попытке себя заставить ему не хватало воздуха, грудь болезненно сжималась, и глаза начинало застилать пеленой. Порой в таких случаях он даже терял сознание.

Когда окончательно прояснилось, что с трубой у него ничего не выйдет, Иг попробовал пианино, но тут дело как-то не пошло. Преподавателем был дружок отца, пьяница с налитыми кровью глазами, от которого воняло трубочным дымом; он сажал Ига самостоятельно разучивать какой-нибудь безнадежно сложный этюд, а сам шел в соседнюю комнату соснуть. Потом мама предложила Игу попробовать виолончель, но этот инструмент не вызвал у него никакого интереса. Он уже интересовался Меррин. Как только он в нее влюбился, никакие семейные трубы не были больше ему нужны.

Он собирался как-нибудь их навестить: отца, мать, да и Терри тоже. Его брат уже находился сейчас в городе, прилетел вчера ночным рейсом на бабушкино восьмидесятилетие, которое будет завтра; у «Хот-хауса» были сейчас летние каникулы. После смерти Меррин это был первый визит Терри в Гидеон, и он не собирался здесь долго засиживаться, улетал уже послезавтра. Иг ничуть не осуждал его за такой быстрый отъезд. Этот скандал разразился как раз тогда, когда программа пошла на подъем, и мог обойтись ему очень дорого; поговаривали, что Терри вообще не стоило возвращаться в Гидеон, в место, где он рисковал быть сфотографированным вместе с братом – сексуальным убийцей. За такую картинку журнал типа «Энкуайрера» заплатит не меньше тысячи. Но с другой стороны, ведь Терри никогда не верил, что Иг в чем-то там виноват. Терри был самым громким, самым яростным защитником Ига, и это в такое время, когда все средства массовой информации предпочитали говорить «без комментариев» и переходить к другой теме.

Иг мог какое-то время избегать журналистов, но в конце концов придется с ними встретиться. Может быть, думал он, с домашними все будет иначе. Может быть, они окажутся невосприимчивы к его теперешним способностям, и все их тайны останутся тайнами. Они ведь его любят, и он тоже их любит. Все-таки любовь что-то да значит. Может быть, он научится контролировать это, чем бы «это» ни было. Может быть, его рога попросту исчезнут. Они появились ни с того ни с сего, так почему бы им не исчезнуть тем же самым манером?

Он провел пальцем между влажными редеющими волосами – редющими уже в двадцать шесть! – а затем стиснул голову ладонями. Он ненавидел беспорядочное мелькание своих мыслей, когда одна мысль тут же сменяла другую. Его пальцы коснулись рогов, и он испуганно вскрикнул. Его губы собирались произнести: «Пожалуйста, Господи, убери их отсюда», но затем он осекся и ничего не сказал.

Руки его неприятно зазудели. Если он был теперь дьяволом, мог ли он говорить о Боге? Не поразит ли его белая вспышка молнии? Не сгорит ли он тут же, на этом самом месте?

– Бог, – прошептал он.

Ничего такого не случилось.

– Бог, Бог, Бог.

Он наклонил голову набок, прислушиваясь, ожидая ответа.

– Пожалуйста, Господи, сделай, чтобы они исчезли, – сказал Иг. – Извини меня, если прошлой ночью я сделал что-то такое, что Тебя разозлило. Я был пьяный. Я злился.

Он задержал дыхание, поднял глаза и взглянул на себя в зеркало заднего обзора. Рога оставались на прежнем месте. Он уже привыкал к их виду. Они становились частью его лица. Его передернуло от отвращения.

Краем глаза справа он увидел что-то ярко-белое и крутнул баранку, съезжая на обочину. Иг ехал бездумно, не думая, куда он едет, и приехал безо всяких намерений к церкви Священного Сердца Марии, куда он ходил вместе со своей семьей свыше двух третей своей жизни и где впервые увидел Меррин Уильямс.

С неожиданно пересохшим ртом он смотрел на Священное Сердце. С того времени, как убили Меррин, он ни разу не был ни здесь, ни в какой-либо другой церкви, не хотел мешаться с толпой, не хотел, чтобы на него пялились другие прихожане. Не хотелось оправдываться перед Богом; он чувствовал, что это Богу нужно перед ним оправдаться.

Может, если он войдет сюда и помолится Богу, рога исчезнут. А может быть – может быть, отец Моулд подскажет, что нужно делать. У самого Ига не было никаких мыслей. Отец Моулд мог быть невосприимчив к действию рогов. Если хоть кто-нибудь мог противостоять их силе, то кто, как не человек в сутане? На его стороне Господь, его защищает Божий дом. Может быть, устроить экзорцизм? Отец Моулд должен знать людей, к которым обращаются в подобных случаях. Покропить святой водой, прочитать несколько раз «Отче наш», и можно вернуться в нормальное состояние.

Иг оставил «Гремлина» на обочине и направился по бетонной дорожке в церковь Священного Сердца. Подойдя к ее двери и уже собираясь взяться за ручку, он испуганно отдернул руку. А что, если, стоит ему тронуть запор, рука его загорится? Что, если ему нельзя входить? Что, если, стоит ему шагнуть через порог, некая темная сила отшвырнет его прочь, бросит на землю задницей? Он представил себе, как бредет по церкви, с дымом, выходящим из-за воротника рубашки, с глазами, по-мультяшному выпученными, представил себе удушье и жгучую боль.

Он заставил себя поднять руку и тронуть запор. Створка двери открылась – и руку его не сожгло, не ужалило, он вообще ничего не почувствовал. Перед ним в полутьме нефа стояли ряды темных, покрытых лаком скамеек. В помещении пахло старым деревом и старыми псалтырями с их выцветшими на солнце кожаными переплетами и хрупкими страницами. Иг всегда любил этот запах и был несколько удивлен, что любит его и сейчас, что ничуть от него не задыхается.

Иг шагнул через порог, раскинул руки и начал ждать. Он взглянул на одну свою ладонь, затем на другую, ожидая увидеть, как из рукавов рубашки пробиваются струйки дыма. Ничего такого не замечалось. Он поднял руку к своему правому рогу. Тот находился на прежнем месте. Он ожидал, что рога будут пощипывать, что в них ощутятся пульсации, однако – ничего. Церковь была омутом тишины и полутьмы, освещенным только пастельным сиянием витражей. Мария у ног своего сына, умершего на кресте. Иоанн, крестящий Иисуса в реке.

Он думал, что нужно подойти к алтарю, опуститься на колени и просить Господа о милости. На его губах уже складывалась молитва: *«Пожалуйста, Господи, если Ты заставишь эти рога исчезнуть, я буду Тебе верно служить, я вернусь в церковь, я стану священником, я буду нести Твое слово, я понесу Твое слово в страны третьего мира, где все болеют проказой, если, конечно, в наше время еще болеют проказой, только, пожалуйста, убери их, пусть они исчезнут, сделай меня таким, каким я был прежде»*. Однако он так ничего такого и не сказал. Прежде чем Иг шагнул к алтарю, он услышал негромкое железное клацанье и повернул голову.

Он все еще был у входа в атриум, и слева находилась чуть раскрытая дверь, выходившая на лестницу. Там внизу был небольшой гимнастический зал, доступный для прихожан по разным надобностям. Снова негромко звякнуло железо. Иг слегка толкнул дверь, и она приоткрылась пошире, выпустив в церковь звуки музыки кантри.

– Хеллоу? – окликнул он, все еще стоя у двери.

Новое клацанье и звук глубокого вдоха.

– Да? – откликнулся отец Моулд. – Кто это?

– Иг Перриш, сэр.

Пауза. Очень уж долгая.

– Спускайся сюда, – сказал Моулд.

Иг спустился по лестнице.

В дальнем конце подвала флуоресцентные лампы освещали пухлый мат, огромные надувные мячи и гимнастическое бревно – стандартное оборудование детского физкультурного класса. Здесь, у выхода на лестницу, некоторые лампы не горели и было чуть-чуть потемнее. Вдоль стен выстроился полный набор тренажеров. Ближе к двери стояла скамейка для работы со штангой, на скамейке лежал лицом вверх отец Моулд.

Сорок лет назад Моулд играл в хоккей за Сиракузы, а потом морским пехотинцем отслужил свой срок в Железном треугольнике⁴; в нем все еще ощущалась мощь хоккеиста и уверенность в себе опытного солдата. Ходил он неторопливо, стискивал в объятиях нравившихся ему людей и вообще напоминал доброго старого сенбернара, который любил спать на мебели, пусть даже ему это и не полагалось. Он был одет в серый тренировочный костюм и старые потрепанные кроссовки. Его крест свисал с конца штанги и чуть покачивался, когда он ее со стуком бросал и вновь поднимал.

Около скамейки стояла сестра Беннет. Она и сама сильно смахивала на хоккеиста – широкие плечи, тяжелое лицо, лишенное всякой женственности, короткие выющиеся волосы, подбритые лиловым хайратником. Для полного комплекта на ней был пурпурный тренировочный костюм. Сестра Беннет вела в школе Святого Иуды уроки этики и любила рисовать мелом на доске диаграммы, показывавшие, как одни решения неизбежно ведут к спасению (прямоугольник, наполненный пухлыми облаками), а другие столь же неизбежно приводят в ад (квадратик, наполненный языками пламени).

Игов брат Терри неустанно над ней измывался, рисуя на радость товарищам свои собственные диаграммы, показывавшие, как после целой серии гротескных лесбийских эпизодов сестра Беннет сама попадет в ад, где с восторгом займется сексом с самим дьяволом. Эти диаграммы сделали Терри звездой школьной столовки – первый запах славы. Они же подмешали к этой славе элемент скандала: неизвестный стукач (так и оставшийся неизвестным по сю пору) в конце концов о них разболтал. Терри был приглашен в кабинет отца Моулда. Их встреча произошла за закрытыми дверями, но этого было недостаточно, чтобы заглушить звуки ударов моулдовской деревянной лопатки по заднице Терри, а после двадцатого удара и крики Терри. Их слышала вся школа. По каналам допотопной отопительной системы звуки проникали в каждый класс. От сочувствия к брату Иг буквально корчился на стуле, а затем, чтобы не слышать, заткнул пальцами уши. Терри не дали участвовать в концерте по случаю окончания учебного года – к чему он готовился месяцами – и поставили незачет по этике.

Отец Моулд сел, вытирая лицо полотенцем. В этой части зала было особенно темно, и Иг подумал, что Моулд и вправду не разглядит его рога.

– Здравствуйте, отец, – сказал он.

– Игнациус. Давненько мы тебя не видели. Где это ты прячешься?

– Да так, живу себе в городе, – сказал Иг внезапно охрипшим голосом. Он не был готов к сочувственному тону отца Моулда, к его легкой отеческой манере говорить. – Даже не очень далеко. Я все собирался забежать, но...

– Иг? С тобой все в порядке?

– Не знаю. Я не знаю, что со мной происходит. Это все моя голова. Взгляните, отец, на мою голову.

Иг шагнул вперед и чуть наклонил голову, выставляя ее на свет. Он видел на бетонном полу тень своей головы, рога. Два маленьких кривых острия, торчавшие из висков. Он почти боялся реакции Моулда и смотрел на него из-под приспущенных ресниц. На лице священ-

⁴ Железный треугольник – место в Южном Вьетнаме, удерживавшееся партизанами на всем протяжении войны.

ника еще оставалась тень приветливой улыбки, но когда он удивленно изучил глазами рога, то задумчиво нахмурился.

– Прошлой ночью я напился и делал всякие непотребства, – сказал Иг. – А сегодня я проснулся вот таким и теперь не знаю, что делать. Я не понимаю, во что я превращаюсь, и думал, что вы мне скажете, что теперь делать.

Несколько секунд отец Моулд смотрел на него с отвалившейся от удивления челюстью.

– Ну что же, мальчик, – сказал он наконец, – ты хочешь, чтобы я сказал, что тебе делать? Думаю, ты должен вернуться домой и повеситься. Это, пожалуй, будет самое лучшее и для тебя, и для твоей семьи – да, в общем-то, и для всех. В церковной кладовой есть хорошая веревка. Я бы сходил и принес ее тебе, если бы думал, что это подвигнет тебя в нужном направлении.

– Почему... – начал Иг и был вынужден прокашляться, прежде чем продолжил: – Почему вы хотите, чтобы я себя убил?

– Потому что ты убил Меррин Уильямс, и этот важный еврей, юрист твоего папаша, помог тебе уйти от ответственности. Такая хорошая Меррин Уильямс, я ее очень любил. Не шибко хороший каркас, но очень миленькая задница. Тебе полагалось сесть в тюрьму. Я хотел, чтобы ты сел в тюрьму. Сестра, последите за мной.

Он вытянулся на спине для очередной серии упражнений.

– Но послушайте, отец, я же этого не делал. Я ее не убивал.

– О, ты большой шутник, – сказал Моулд, кладя руки на штангу; сестра Беннет заняла позицию у него в головах скамейки. – Все же знают, что ты это сделал. Так что можешь смело убить заодно и себя. Все равно ты попадешь в ад.

– Я и так уже в аду.

Моулд хрюкнул, поднимая штангу, и снова ее опустил. Сестра Беннет смотрела на Ига.

– Я бы не осудила вас за самоубийство, – сказала она безо всяких предисловий. – Мне самой почти каждый день уже к обеду хочется себя убить. Я ненавижу, как люди на меня смотрят. Ненавижу лесбийские шуточки, которые они отпускают за моей спиной. Если ты не хочешь эту веревку из кладовки, она могла бы пригодиться мне.

Моулд поднял штангу и тяжело выдохнул.

– Я, – сказал он, – все время думаю о Меррин Уильямс. Особенно когда трахаю ее мамашу. Ты, наверное, не знаешь, но ее мамаша делает теперь для церкви уйму работы. Все буквально держится на ней. – Он помолчал и улыбнулся какой-то мысли. – Бедная женщина! Мы почти ежедневно молимся вместе. Чаще всего о твоей смерти.

– Вы... вы дали обет безбрачия, – сказал Иг.

– Безбрачие-хреначие. Я думаю, Господь рад уже тому, что я не кидаюсь на алтарных служек. Как мне видится, эта леди нуждается в утешении, и она уж точно не получит его от этого тюфяка-очкарика, за которым она замужем. Во всяком случае, нужного утешения.

– Я хочу быть какой-нибудь другой, – сказала сестра Беннет. – Я хочу убежать на свободу. Я хочу, чтобы я кому-нибудь нравилась. Игги, я когда-нибудь тебе нравилась?

– Ну... – смущенно сглотнул Иг. – Пожалуй, что да в каком-то смысле.

– Я хочу с кем-нибудь спать, – продолжила сестра Беннет так, словно он ничего не сказал. – Я хочу, чтобы кто-нибудь обнимал меня ночью в постели. Мне все равно, будет это мужчина или женщина. Мне все равно. Я больше не хочу быть одинокой. Я могу выписывать чеки от имени церкви. Иногда мне хочется снять все деньги с церковного счета и сбежать. Иногда мне этого очень хочется.

– Меня удивляет, – сказал Моулд, – что никто в нашем городе не подумал примерно наказать тебя за то, что ты сделал с Меррин Уильямс, чтобы ты своей шкурой почувствовал, что ты с ней сделал. Можно бы ожидать, что несколько равнодушных граждан навестят тебя как-нибудь ночью и поведут прогуляться в лес. Прямо к тому дереву, где ты убил Меррин.

Чтобы вздернуть тебя на нем. Если уж ты не хочешь вести себя прилично и повеситься сам, так надо сделать хотя бы это.

К своему собственному изумлению, Иг заметно расслабился, разжал кулаки, стал дышать ровнее. Моулд начал качать пресс. Иг поймал взгляд сестры Беннет и спросил:

– Так что же вас удерживает?

– От чего? – спросила сестра Беннет.

– От того, чтобы забрать все деньги и улизнуть.

– Бог, – сказала сестра Беннет. – Я люблю Бога.

– А что Он в жизни сделал для вас хорошего? – спросил ее Иг. – Сделал ли Он хотя бы, чтобы вам было не так больно, когда люди смеются за вашей спиной?

Или Он сделал, чтобы вам было больнее, потому что ради Него вы одиноки в мире? Сколько вам лет?

– Шестьдесят один.

– Шестьдесят один – это старость. Это почти слишком поздно. *Почти*. Вы можете позволить себе ждать хотя бы еще один день?

Сестра Беннет тронула свое горло, глаза ее тревожно расширились. Затем она сказала: «Я лучше пойду», повернулась и заспешила к лестнице.

Отец Моулд вроде даже и не заметил ее ухода. Теперь он сидел, положив руки на колени.

– Вы закончили упражнения? – спросил Иг.

– Остался еще один заход.

– Давайте я помогу, – сказал Иг, огибая скамейку.

Когда он подкатывал Моулду штангу, его пальцы коснулись пальцев Моулда, и Иг узнал, что, когда Моулду было двадцать, он и другие парни из хоккейной команды натянули лыжные маски, сели в машину и увязались за другой машиной, битком набитой парнями из «Нации ислама»⁵, приехавшими в Сиракузы из Нью-Йорка поговорить о гражданских правах. Моулд и его дружки прижали этих ребят к обочине и погнали их бейсбольными битами в лес. Они поймали самого из них неповоротливого и раздробили ему ноги в восьми местах. Потребовалось целых два года, чтобы парень смог хотя бы ходить без костылей.

– Вы и мама Меррин – вы действительно молились о моей смерти?

– Более-менее, – пожал плечами Моулд. – Честно говоря, она чаще всего взывала к Богу, сидя на моем члене.

– А вы знаете, почему Он не поразил меня молнией? – спросил Иг. – Вы знаете, почему Он не откликнулся на ваши молитвы?

– Почему?

– Потому что Бога нет. Все ваши молитвы – это шепот в пустой комнате.

Моулд снова поднял штангу – с большими усилиями, – опустил ее и сказал:

– Бреешь ты как собака.

– Все это наглое вранье. Никого там никогда не было. Это вам бы стоило воспользоваться этой веревкой.

– Нет, – сказал Моулд. – Ты никогда меня к этому не принудишь. Я не хочу умирать. Я люблю свою жизнь.

Так что ясно. Он может заставить людей делать только то, чего они сами в глубине души хотят.

Моулд дико скривился, хрюкнул, но не смог больше поднять штангу. Иг отвернулся от скамейки и направился к лестнице.

– Эй! – крикнул Моулд. – Мне же тут нужна помощь.

⁵ «Нация ислама» – довольно умеренная негритянская организация, боровшаяся за гражданские права и продвижение в народ исламской веры.

Иг сунул руки в карманы и начал насвистывать «Когда святые маршируют»; впервые за все это утро у него поднялось настроение. За его спиной копошился и тяжело дышал Моулд, но Иг даже не оглянулся и быстро взбежал по лестнице.

У выхода в атриум его обогнала сестра Беннет; на ней были красные рейтузы и блузка без рукавов, разукрашенная ромашками; она даже успела причесаться. Заметив Ига, она чуть не уронила сумочку.

– Отбываете? – спросил ее Иг.

– У меня... у меня же нет машины, – сказала, запинаясь, сестра Беннет. – Я хотела взять церковную машину, но боюсь, что меня поймут.

– Вы же очищаете церковный счет. Что тут значит какая-то машина?

Она секунду смотрела на Ига, а потом наклонилась и поцеловала его в уголок рта. При прикосновении ее губ Иг узнал про ужасную ложь, сказанную ею матери в возрасте девяти лет, и про тот ужасный день, когда ее импульсивно поцеловал один из ее учеников, хорошенький шестнадцатилетний мальчишка по имени Бритт, и о тайной, полной отчаяния капитуляции всех ее духовных твердынь. Иг видел все это и понимал, и ему это было безразлично.

– Благослови тебя Господи, – сказала сестра Беннет.

Иг не мог не рассмеяться.

7

Теперь ему не оставалось ничего, кроме как съездить домой и повидаться с родителями. Он свернул к родительскому дому.

Тишина в машине делала Ига нервным и беспокойным. Он попробовал включить приемник, но звуки били его по нервам и были даже хуже тишины. Его родители жили в пятнадцати минутах езды за городом, и это оставляло ему слишком много времени, чтобы подумать. Он, в общем-то, знал, чего можно ожидать от них, знал еще с той ночи, которую провел в тюрьме, задержанный для допроса относительно изнасилования и убийства Меррин.

Следователь по фамилии Картер начал допрос с того, что положил перед ним ее фотографию. Позднее, когда Иг остался в камере один, этот снимок непрерывно стоял у него перед глазами. Белая Меррин лежала на спине на фоне побуревших листьев, ее ноги были сжаты, руки раскинуты, волосы рассыпались по земле. Ее лицо было темнее земли, рот полон листьев, из-под волос на скулу вытекала струйка крови. На ней все еще был его галстук, широкая полоска ткани скромно прикрывала грудь. Иг не мог изгнать эту картину из своего воображения. Она была ему по нервам, крутила схватками желудок, пока в какой-то момент – неизвестно когда, часов в камере не было – Иг не упал на колени перед унитазом из нержавеющей стали и его не вырвало.

На следующий день он боялся встретиться с матерью. Он пережил худшую ночь в своей жизни, и нетрудно было догадаться, что и для нее это тоже была худшая ночь. Он никогда еще не попадал ни в какие неприятности. Она наверняка не могла уснуть, он представлял себе ее сидящей на кухне в ночной рубашке с чашкой остывшего травяного чая, с красными глазами и бледной как смерть. Отец тоже наверняка не спал, а сидел вместе с ней. Иг не был уверен, сидел ли отец, подобно ей, тихо как мышка, не видя никаких перспектив, кроме как ждать, или он, злой и возбужденный, расхаживал по кухне, рассказывая ей, что они теперь сделают, и как они все устроят, и на кого он завтра обрушится, как мешок долбанных шлакоблоков.

Иг заранее твердо решил не плакать при встрече с матерью, и он не плакал. И она тоже не плакала. Его мать подготовилась к этой встрече, как к обеду с членами попечительского совета, и ее узкое живое лицо светилось спокойствием. А вот отец, тот, похоже, недавно плакал. Деррик с трудом фокусировал взгляд, изо рта его дурно пахло.

– Не говори ни с кем, кроме адвоката, – сказала мать. Это были первые слова, сошедшие с ее губ. Она сказала: – Ничего не признавай.

– Ничего не признавай, – повторил отец, стиснул его в объятиях и начал плакать.

В паузах между всхлипываниями Деррик бормотал: «Мне все равно, что там случилось», и тут впервые Иг осознал: они верят, что он это сделал. Такая мысль даже у него не появлялась. Даже если бы он это *сделал* – даже если бы его поймали на месте преступления, – родители, казалось Игу, будут верить в его невиновность.

К вечеру Иг уже вышел из участка; глаза ему резал сильный косой свет октябрьского солнца. Ему не предъявили обвинений. Его так ни в чем и не обвинили. Но и не оправдали. Он до сегодняшнего дня считался «личностью, представляющей интерес».

На месте преступления были собраны улики, возможно, и образцы ДНК – Иг точно не знал, ведь полиция не разглашала подробностей, – и он всем своим сердцем надеялся, что, когда вещественные доказательства будут проанализированы, его очистят от всяких подозрений. Но в лаборатории штата, находившейся в Конкорде, случился пожар, и все образцы, собранные около тела Меррин, погибли. Эта новость ошарашила Ига, словно обухом по голове. Тут уж трудно было не стать суеверным, не решить, что против него сплотились темные силы. Это надо ж такое невезение! Единственной уцелевшей уликой был отпечаток чьей-то покрывки «Гудиер». Игов «Гремлин» был обут в «мяшлены». Но ничто из этого не являлось твердым указанием ни в одну, ни в другую сторону, и, если не было серьезных улик, что Иг

совершил преступление, не было и ничего, что бы полностью освобождало его от подозрений. Его алиби – что он провел эту ночь в пьяном одиночестве, отключившись в своей машине на задах какой-то дурацкой пышечной, – даже ему самому казалось жалкой, отчаянной ложью.

В первые месяцы после этого события об Иге заботились, словно о ребенке, вернувшемся домой с тяжелым гриппом; родители старались помочь ему справиться с болезнью, кормя его куриным бульоном и снабжая книжками. Они буквально крались по собственному дому, словно боясь, что шум повседневной жизни может его побеспокоить. Было забавно, что они так о нем заботятся, хотя при этом считали возможным, что он жутко поступил с девушкой, которую и они тоже любили.

Но после того, как дело против Ига развалилось и непосредственная угроза исчезла, родители как-то отошли от него, убрались в свою скорлупу. Они любили Ига и готовы были защищать от обвинения в убийстве всеми доступными способами, но, похоже, были бы рады, если бы он ушел, когда стало окончательно ясно, что тюрьма ему не грозит.

Он прожил у них девять месяцев, но ни на секунду не задумался, когда Гленна предложила ему разделить ее квартиру пополам. После переезда к ней он встречался с родителями, только когда навещал их дома. Они не встречались в городе, чтобы перекусить, сходить в кино или магазин, и они никогда к нему не заходили. Случалось, что Иг, забега в свой старый дом, узнавал, что отец в отъезде – во Франции на джазовом фестивале или в Лос-Анджелесе работает над саундтреком. Он никогда не знал отцовских планов заранее, и отец никогда не звонил ему сказать, что будет в отъезде.

Иг невинно болтал на крыльце со своей матерью о всякой ерунде. Когда Меррин убили, он как раз собирался ехать работать в Англию, но после того, что случилось, всем этим планам пришел конец. Он говорил матери, что хочет вернуться в университет, что написал заявление в Брауновский и Колумбийский. И он действительно их написал, они лежали на микро-волновке в квартире Гленны. Одно из них использовалось в качестве бумажной тарелки для пиццы, а другое было сплошь испятнано коричневыми серпиками от кофейной чашки. Мать охотно ему подыгрывала, одобряя и ободряя, и никогда не задавала неудобных вопросов, вроде когда же его вызовут на собеседование или собирается ли он подыскать себе какую-нибудь работу, чтобы не сидеть без дела до поступления. Ни один из них не хотел нарушать хрупкую иллюзию, что все возвращается в нормальное русло, что у Ига все еще впереди, что его жизнь продолжится.

При своих нерегулярных набегах на дом он чувствовал себя относительно легко только с Верой, своей бабушкой, жившей там же. Он не был уверен даже в том, помнит ли она, что его когда-то арестовывали по подозрению в сексуальном убийстве. По большей части она сидела в инвалидном кресле, операция по замене тазобедренного сустава как-то ей не очень помогла. Иг возил ее прогуляться по усыпанной гравием дорожке через лес к северу от родительского дома, к тому месту, откуда открывался вид на Королевино кручу – высокий скалистый обрыв, с которого прыгали дельтапланеристы. Теплыми ветренными июльскими днями их набиралось человек пять-шесть; они катались на восходящих потоках, далекие ярко раскрашенные воздушные змеи, носящиеся в воздухе. Когда Иг был со своей бабушкой и они смотрели на дельтапланеристов, бросающих вызов свежему ветру, он почти чувствовал себя тем человеком, которым был до смерти Меррин, человеком со щедрой душой, любившим запах вольного воздуха.

Въезжая по склону к дому, он сразу увидел Веру во дворе, во всегдашнем инвалидном кресле, с кружкой охлажденного чая на откидном столике. Ее голова свисала под невыносимым углом, она сладко спала, дремала на солнце. Мать Ига находилась где-то рядом – на траве был расстелен помятый плед. Солнце светило в кружку с чаем и превращало ее ободок в сияющий обруч, в серебряный нимб. До невозможности мирная сцена, но как только Иг заглушил машину, его желудок начал протестовать. Это было вроде как в церкви. Теперь ему не хотелось выходить из машины. Он боялся встретиться с людьми, к которым приехал.

И все-таки он вышел. Деваться было некуда.

У края проезда был припаркован черный «Мерседес» с номерными знаками Аламо. Арендванная машина Терри. Иг предложил встретить его в аэропорту, но Терри сказал, что нет никакого смысла, он прилетает поздно и вообще хочет иметь собственную машину, так что лучше встретиться завтра. Вот Иг и пошел вместо этого с Гленной и в конце концов напился и оказался в одиночестве в старой литейной.

Из всех членов своего семейства меньше всего Иг боялся встретиться с Терри. В чем бы там Терри ни признавался, какие бы постыдные тайны ни таил, Иг был всегда готов ему простить. Он считал это своим долгом. Может быть, в каком-то смысле он приехал сюда именно для встречи с Терри. Когда Иг был в самой худшей беде, заявления Терри появлялись в газетах ежедневно, заявления, что все это дело против его брата – чистейшая липа, шито белыми нитками, что его брат абсолютно неспособен сделать хоть что-нибудь плохое тому, кого он любит. Иг думал, что если кто-нибудь и может сейчас ему помочь, так это только Терри.

Иг тихо подошел к Вере. Мать оставила ее повернутой лицом к длинному травянистому склону, спускавшемуся к старой бревенчатой ограде внизу холма. Ухо Веры было прижато к плечу, глаза закрыты, она тихо посапывала. От этой мирной картины напряжение немного оставило Ига. Ему не придется с ней беседовать, во всяком случае, не придется слушать о ее тайных, самых жутких порывах. Он смотрел на ее старое морщинистое лицо, ощущая почти болезненную нежность, вспоминая, как они с ней проводили вместе утреннее время за чаем с булочками, намазанными арахисовым маслом, пока по телевизору шла «Верная цена». Ее волосы были собраны на затылке, но кое-где выбивались из-под заколок, так что по щекам рассыпались длинные пряди цвета лунного сияния. Иг ласково взял ее за руку – на мгновение забыв, чем чревато прикосновение.

И тут же узнал, что у нее нет особых трудностей с суставами, но она любит, чтобы ее сюда привозили в кресле и исполняли все ее капризы. Ей было восемьдесят лет, что давало определенные права. Ей особенно нравилось понукать своей дочерью, которая считала, что ее говно не воняет, потому что она достаточно богата, чтобы подтираться двадцатками, понукать женой этого бывшего и мамашей этой пустышки из шоу-бизнеса и растленного сексуального убийцы. И все же Вера считала, что это всяко лучше, чем то, чем была Лидия, грошовая проститутка, которой удалось захомотать мелкую знаменитость, имевшую сопливо-сентиментальный уклон. Веру до сих пор удивляло, что ее дочь вернулась после нескольких лет, проведенных в Лас-Вегасе, с мужем и сумочкой, полной кредитных карточек, а не с десятью годами каталажки и неизлечимой венерической болезнью. Вера про себя считала, что Иг прекрасно знал, кем была его мать – грошовой шлюхой, – и что это породило в нем патологическую ненависть к женщинам и стало истинной причиной, почему он изнасиловал и убил Меррин Уильямс. Эти штуки, они всегда фрейдистские. А говоря об этой Уильямсовой девице, та была явной охотницей за богатством, с первого дня крутила жопкой, лишь бы получить обручальное кольцо и деньги Иговой семьи. По мнению Веры, сама Меррин Уильямс в ее коротких юбчонках и туго обтягивающих топах не слишком отличалась от проститутки.

Иг отпустил ее руку, словно голый провод, дернувший его тысячью вольт, вскрикнул и, запинаясь, попятился. Его бабушка зашевелилась и приоткрыла один глаз.

– О! – сказала она. – Ты.

– Извини, пожалуйста. Я не хотел тебя будить.

– И очень жаль, что разбудил. Я хотела спать. Во сне я счастливее. Или ты думаешь, я хотела видеть *тебя*?

Иг почувствовал, как в его груди собирается холодок. Бабушка отвернула от него лицо.

– Когда я смотрю на тебя, мне хочется умереть.

– Правда? – спросил Иг.

– Я не могу встречаться с подругами, я не могу ходить в церковь, все на меня пялятся. Все они знают, что ты сделал. Из-за этого мне хочется умереть. А затем ты приезжаешь сюда и выводишь меня на прогулку. Я ненавижу эти прогулки, потому что люди видят нас вместе. Ты себе даже не представляешь, как это трудно – притворяться, что я тебя не ненавижу. Я всегда считала, что с тобой что-то не так. Как шумно ты дышишь, когда куда-нибудь пробежался. Ты всегда дышал ртом, как собака, особенно в присутствии хорошеньких девочек. И ты всегда был тупой. Гораздо тупее своего брата. Я пыталась сказать об этом Лидии. Я говорила ей не знаю сколько раз, что с тобой что-то не так. Но она не хотела меня слушать, и посмотри, чем все это кончилось. Нам придется теперь с этим жить.

Вера закрыла глаза ладонью, ее подбородок задрожал. Тихо пятясь, Иг услышал, как она начала всхлипывать.

Иг миновал крыльцо и через открытую дверь вошел в пещерную тьму прихожей. У него мелькнула мысль пойти в свою старую спальню и полежать. Ему хотелось уделить какое-то время самому себе, побыть в прохладной полутьме, в окружении концертных постеров и детских книг. Но затем, проходя мимо кабинета матери, он услышал шорох перекладываемых бумаг и машинально развернулся, чтобы взглянуть на нее.

Его мать склонилась над письменным столом, водя пальцем по каким-то бумагам, время от времени выхватывая одну из них и кладя ее в кожаную папку. Когда она вот так наклонялась, ее юбка в полоску туго обтягивала ягодицы. Отец познакомился с ней, когда она танцевала в Вегасе, и у нее до сих пор сохранился упругий кордебалетный зад. Игу снова вспомнилось то, что он ненароком узнал из Вериной головы, бабушкину святую уверенность, что Лидия была шлюхой и даже хуже, но тут же отбросил все это как сенильную фантазию. Его мать служила в Совете Нью-Гэмпшира по делам искусства и читала русские романы, и даже когда она танцевала в Вегасе, то по крайней мере прикрывала некоторые места страусиными перьями.

Когда Лидия заметила Ига, смотревшего на нее с порога, ее папка соскользнула с колена. Она ее поймала, но было уже поздно, бумаги веером рассыпались по полу. Некоторые из них закачались в воздухе в бесцельной, неторопливой манере снежинок, и Иг снова подумал о дельтапланеристах. Иногда люди прыгали с Королевиной кручи и без всяких крыльев. Это место облюбовали самоубийцы. Может быть, стоит и ему туда съездить.

– Игги, – сказала мать, – я не знала, что ты сегодня придешь.

– Я знаю. Я тут все ездил туда-сюда. Я не знаю, куда мне податься. Это утро стало настоящим адом.

– Бедный мой мальчик, – сказала Лидия. Ее лоб сочувственно наморщился.

Иг уже очень давно не видел на лицах людей сочувственного выражения и так хотел хоть чего-нибудь сочувствия, что, встретив его, как-то сразу обмяк.

– Мама, со мной происходит нечто ужасное, – сказал он срывающимся голосом.

Впервые за все это утро он был близок к тому, чтобы расплакаться.

– Бедный мой мальчик, – повторила мать. – Ну почему ты не мог пойти к кому-нибудь другому?

– Извини?

– Я не хочу больше слышать о твоих проблемах.

Жгучее ощущение в его глазах слабело, порыв заплакать стихал так же быстро, как и пришел. Рога запульсировали саднящей болью, даже не совсем неприятной.

– Я вляпался в неприятности.

– Я не желаю этого слушать. Не хочу этого знать.

Мать присела на корточки, собирая свои бумаги и засовывая их в папку.

– Мама, – сказал Иг.

– Когда ты говоришь, мне хочется петь! – крикнула она и закрыла уши ладонями. – Лалала-ла-ла-ла! Я не хочу слушать. Я хочу задержать дыхание, пока ты не уйдешь.

Она глубоко вдохнула и задержала дыхание. Ее щеки надулись.

Иг пересек комнату и опустился на корточки в таком месте, где ей не приходилось на него смотреть. Она так и сидела, закрыв ладонями уши и плотно сжав губы. Иг взял ее папку и стал запихивать в нее бумаги.

– И вот так, значит, ты всегда себя чувствуешь, когда видишь меня?

Лидия яростно закивала, ее глаза блестели.

– Ты только не задохнись, мамочка.

Мать взирала на него еще секунду, а затем открыла рот и глубоко, с присвистом вдохнула. Она молча наблюдала, как он кладет ее бумаги в ее папку.

Когда она снова заговорила, голос ее был тихий и визгливый, слова сыпались очень быстро, собираясь в подобие цепочек.

– Я хочу написать тебе письмо, очень милое письмо очень хорошим почерком на своей специальной бумаге, чтобы сказать тебе, как мы с папой тебя любим и как нам жаль, что ты несчастлив, и как для всех было бы лучше, чтобы ты просто ушел.

Иг засунул последнюю бумагу в папку и уселся на корточки, держа ее на коленях.

– Ушел – куда?

– Ведь ты же вроде хотел отправиться автостопом на Аляску?

– Вместе с Меррин.

– Или посмотреть Вену?

– Вместе с Меррин.

– Или учиться китайскому? В Пекине?

– Мы с Меррин говорили, не поехать ли во Вьетнам преподавать английский. Но я не думаю, чтобы мы и вправду так сделали.

– Мне все равно, куда ты отправишься, лишь бы только не видеть тебя каждую неделю. Лишь бы только не слышать, как ты говоришь о себе, словно все в полном порядке, потому что ничто не в порядке и никогда уже не будет в порядке. Видеть тебя для меня сплошное несчастье. А я просто хочу снова стать счастливой.

Иг отдал ей папку.

– Я не хочу, чтобы ты больше был моим ребенком, – сказала Лидия. – Это слишком тяжело. Я хочу, чтоб у меня был один Терри.

Иг наклонился и чмокнул ее в щеку. И когда он это сделал, то увидел, как она тихо ненавидела его все эти годы за то, что у нее из-за него рубцы на животе. Он лично изувечил ее фигуру, а ведь та была хоть на разворот «Плейбоя». Терри был хорошим, внимательным мальчиком и оставил неповрежденными ее фигуру и кожу, а Иг все на хрен изуродовал. Однажды в Вегасе ей предложили пять косых за единственную ночь с каким-то нефтяным шейхом; конечно, тогда детей у нее еще не было. Вот это были денечки. Самые легкие деньги в ее жизни.

– Уж и не знаю, почему я говорю тебе все это, – сказала Лидия. – Я сама себя ненавижу. Я никогда не была хорошей матерью. – Затем она, похоже, осознала, что ее поцеловали, тронула свою щеку, провела по ней ладонью. Она смаргивала слезы, но когда осознала поцелуй, то улыбнулась. – Ты меня поцеловал. Ты думаешь... ты думаешь сейчас уйти?

В ее голосе дрожала надежда.

– Меня здесь и не было, – сказал Иг.

8

Вернувшись в прихожую, Иг взглянул через дверь, выходящую на крыльцо, на залитый солнцем внешний мир и подумал, что надо, пожалуй, смыться, смыться поскорее, пока не наткнулся на кого-нибудь еще, на отца или брата. Он уже передумал встречаться с Терри, решил обойтись по возможности без этого. После всего, что ему наговорила мать, Иг уже не хотел подвергать испытаниям свою любовь еще к кому-нибудь.

И все же он не покинул дом через парадную дверь, повернулся и начал взбираться по лестнице. Если уж он здесь, то можно хотя бы заглянуть в свою комнату и посмотреть, не стоит ли чего-нибудь оттуда забрать, уходя из дома. Уходя куда? Он еще не знал. Но в нем не было и уверенности, что он когда-нибудь сюда вернется.

Под ногами у Ига столетние ступени скрипели и бормотали. Как только он ступил на последнюю из них, правая дверь, выходящая в коридор, распахнулась, и из нее высунулся отец. Иг видел такую картину уже сотни раз. Его отец был очень любопытен и не мог пропустить, чтобы кто-нибудь поднялся по лестнице, не взглянув, кто же это.

– О! – сказал он. – Иг. А я подумал, что это... – Фраза как-то сама собой заглохла.

Его взгляд переместился с Иговых глаз на рога. Отец стоял босиком в белой майке и полосатых подтяжках.

– Ты просто скажи мне, – сказал Иг. – Это глава, где ты говоришь мне нечто ужасное, что хотел сохранить в тайне. Возможно, что-то насчет меня. Так скажи, и не будем больше об этом.

– Я хотел притвориться, что занят в своем кабинете важными делами, чтобы не пришлось с тобой говорить.

– Для начала неплохо.

– Встречаться с тобой мне очень тяжело.

– Понятно. Мы только что говорили об этом с мамашей.

– Я все думаю о Меррин. О том, какая она была хорошая девочка. Я же любил ее, в некотором роде. И завидовал тебе. Я никогда не любил никого так, как вы с ней любили друг друга. И уж конечно, не твою мать – мелкую шлюху со сдвигом на статусе. Худшая ошибка, какую я когда-либо сделал. Все плохое, что было в моей жизни, произошло из-за этого брака. Но Меррин... Она же была чудесная. Нельзя было слышать, как она смеется, чтобы самому не улыбнуться. Когда я думаю, как ты ее оттрахал и убил, меня начинает рвать.

– Я ее не убивал, – выговорил Иг пересохшим ртом.

– И хуже всего, – продолжил Деррик Перриш, – что она была моим другом и заботилась обо мне, а я помог тебе уйти безнаказанным.

Иг воззрился на него в полном недоумении.

– Это все мужик, который заведует криминалистической лабораторией, Джин Ли. Его сын умер несколько лет тому назад, но перед тем я помог ему достать билеты на Пола Маккартни и устроил, что Джин и его сын встретились с Полом за кулисами и всякое прочее. Когда тебя арестовали, Джин сразу со мной связался. Он спросил меня, ты ли это сделал, и я сказал, что не могу ему дать честного ответа. Через два дня случился этот пожар в Конкорде, в лаборатории штата. Конечно, Джин там не начальник, он работает в Манчестере, но я всегда считал...

Ига буквально вывернуло наизнанку. Если бы улики, собранные на месте преступления, не были уничтожены, скорее всего, они помогли бы установить его невиновность. Но они исчезли в дыму и пламени, как и надежды, гнездившиеся в сердце Ига, как все хорошее в его жизни. Иногда в приступах мании преследования он представлял себе некий сложный заговор, тайно составленный с единственной целью – его погубить. И он был почти прав: тут действительно работали тайные силы, только это был сговор людей, пожелавших его защитить.

– Как ты мог это сделать? Как ты мог быть таким дураком? – спросил, задыхаясь, Иг; сейчас он был на грани ненависти к отцу.

– Вот и я то же самое себя спрашиваю. Каждый день. Конечно же, когда весь мир бросается на твоих детей с ножами, ты обязан их заслонить. Это каждому понятно. Но здесь-то... Здесь Меррин тоже была одним из моих детей. Она десять лет ежедневно бывала в нашем доме. Она мне *доверяла*. Я покупал ей попкорн в кино, ходил посмотреть, когда она играла в лакросс⁶, играл с ней в криббидж⁷, и она была просто прелесть и любила тебя, а ты вышиб ей долбанные мозги. Покрывать тебя было совершенно неправильно, не тот это случай. Ты должен был отправиться в тюрьму. Когда я вижу тебя в доме, мне хочется дать тебе по морде, чтобы сбить это глупое выражение с твоего глупого лица. Вроде как тебе не о чем жалеть. Убил – и вышел сухим из воды. В самом буквальном смысле. И меня еще в это дело втянул. Из-за тебя я все время чувствую себя грязным. Мне хочется помыться, оттереть себя стальной мочалкой. Когда ты говоришь со мной, по мне начинают бегать мурашки. Ну как ты мог с ней такое сделать? Она была одним из лучших людей, каких я когда-либо знал. И наверняка самым любимым человеком.

– И моим тоже, – согласился Иг.

– Я хочу вернуться в свой кабинет, – сказал отец. Он тяжело дышал открытым ртом. – Когда я тебя вижу, мне хочется спрятаться. В свой кабинет. В Лас-Вегас. Или в Париж. Куда угодно. Я хочу уйти и никогда не возвращаться.

– И ты действительно думаешь, что я ее убил. А ты никогда не задумывался: вдруг улики, которые ты сказал Джину сжечь, могли меня спасти? Сколько раз я тебе говорил, что не делал этого, так неужели тебе ни разу не подумалось: а может быть, просто может быть, я ни в чем не виноват?

Отец молча на него воззрился, немного сбитый с толку, а затем сказал:

– Нет, такого я не думал. Правду говоря, меня удивляло, что ты не сделал с ней что-нибудь еще раньше. Я всегда считал, что ты мелкий говеный извращенец.

⁶ Лакросс – довольно распространенная в Америке командная спортивная игра с маленьким мячом, который нужно закинуть в чужие ворота при помощи своего рода ракеток.

⁷ Криббидж – карточная игра для двух человек, в нее можно играть и вдвоем или вчетвером.

9

Иг стоял в дверях своей спальни и все не входил, не ложился, как было задумано. Его голову снова саднило – виски, у оснований рогов. Было такое чувство, словно за ними нарастает давление. На краю его поля зрения, в такт ударам пульса мелькала непроглядная тьма.

Ему хотелось отдохнуть, хотелось больше всего остального, и не хотелось больше никакого сумасшествия. Он хотел ощутить на лбу чью-нибудь прохладную руку. Он хотел, чтобы Меррин вернулась, хотел плакать, зарыв лицо в ее колени, и чтобы ее пальцы гладили его по затылку. Любые его мысли о мире и спокойствии были связаны с ней, она входила обязательной частью во все его мирные воспоминания. Ветренный июльский день, они лежат в траве над рекой. Дожливый октябрь, они с ней пьют сидр в ее комнате, плотно прижавшись друг к другу под вязаным покрывалом, холодный нос Меррин прикасается к его уху.

Иг окинул взглядом комнату, осмысляя обломки жизни, прожитой им здесь. Из-под кровати высовывался старый футляр трубы, он вытащил его и положил на матрас. Внутри лежала серебристая труба. Она заметно потемнела, клапаны стерлись, словно трубой активно пользовались.

Как оно, собственно, и было. Даже когда Иг узнал, что слабые легкие никогда не позволят ему играть на трубе, он по причинам, уже непонятным ему самому, продолжал репетировать. После того как родители отсылали его в постель, он играл в темноте, под одеялом, летая пальцами по клапанам. Он играл Майлза Дэвиса, Уинтона Марсалиса и Луиса Армстронга. Но музыка звучала только в его голове; когда он прикладывал мундштук ко рту, то не решался дуть из страха, что накатит волна головокружения и замелькает черная метель. Это казалось теперь бессмысленной тратой времени, все эти тренировки, заранее обреченные не дать никакого результата.

В приступе неожиданной ярости он вытряхнул содержимое футляра на пол: маленькие трубки, масло для клапанов, запасной мундштук и все прочее. Последнее, что ему попало под руку, была сурдина «Том Краун», похожая на большую рождественскую игрушку из полированной меди. Он хотел швырнуть ее через комнату, даже замахнулся уже, но пальцы его не разжались, не выпустили сурдину. Это была очень красивая металлическая игрушка, но он удержал ее не поэтому. Он и сам не мог понять, почему он ее удержал.

«Тома Крауна» засовываешь в раструб трубы, чтобы приглушить громкость; при правильном использовании звук получается непристойный, похотливый. Иг глядел на сурдину и хмурился, ощущая, как что-то тревожит его сознание. Это не было сложившейся мыслью, еще не было. Это не было даже половинкой мысли – так, мимолетная смутная догадка. Что-то насчет труб и рогов, что-то насчет того, как на них играют.

В конце концов Иг отложил сурдину в сторону и снова обратился к футляру. Он вырвал из него пенопластовую подкладку, положил свежую смену одежды и начал искать свой паспорт. Не потому, что собирался уехать из страны, а потому, что хотел взять с собой все важное, чтобы никогда не пришлось возвращаться.

Его паспорт был засунут в роскошную Библию, лежавшую в верхнем ящике комода, перевод короля Иакова, в белой коже со словами Иисуса, напечатанными золотом. Терри называл эту книгу его Библией Нила Даймонда⁸; Иг выиграл ее ребенком в библейскую «викторину навыворот» в воскресной школе: когда давались ответы из Библии, Иг всегда угадывал правильные вопросы. Иг вынул из книги свой паспорт и ненадолго замер, глядя на колонку точек и черточек, накорябанную карандашом на форзаце. Это была азбука Морзе; Иг сам вписал ее

⁸ Нил Даймонд (р. 1941) – популярный в США автор-исполнитель; суммарный тираж его пластинок превысил 100 миллионов экземпляров.

в Библию Нила Даймонда десять с лишним лет тому назад. Он когда-то решил, что Меррин послала ему сообщение азбукой Морзе, и потратил целых две недели, составляя аналогичный ответ. Получившийся у него ответ был все еще записан тут цепочкой точек и черточек, его любимая молитва в этой книге.

Он покачал Библию в руке и тоже забросил ее в футляр. Что-то там все-таки должно было быть, какие-нибудь полезные подсказки для его положения, некое гомеопатическое средство, которое может пригодиться при прямом столкновении с дьяволом.

Нужно было сматываться, пока не попался кто-нибудь еще, однако, спустившись по лестнице, Иг заметил, как сухо и липко у него во рту, как больно ему глотать. Он свернул на кухню и попил из-под крана. Составил ладони лодочкой и плеснул воду себе на лицо, а затем окунул лицо в воду и отряхнулся по-собачьи. Вытерся досуха посудным полотенцем, с наслаждением ощущая его грубое прикосновение к оглушенной холодной водой коже. В конце концов Иг откинул полотенце, повернулся и увидел своего брата.

10

Терри привалился к стене, сразу же у входа. Вид у него был довольно аховый – возможно, последствия дальнего перелета. Ему пора было побриться, глаза воспалились, как это бывало при аллергии. Терри страдал аллергией ко всему: цветочной пыльце, арахисовому маслу; однажды он чуть не умер от укуса пчелы. Прекрасная шелковая рубашка и твидовые штаны болтались на нем, как на вешалке, словно он неожиданно скинул вес.

Братья смотрели друг на друга. Иг и Терри не бывали в одной и той же комнате с того уикенда, когда убили Меррин, и тогда Терри выглядел не многим лучше: запинался и путался в словах из-за жалости к ней, а заодно и к Игу. Вскоре после этого Терри улетел на Западное побережье – якобы для репетиций, хотя Иг подозревал, что его вызвали для поправки ситуации администраторы «Фокса», – и так с того времени не возвращался. Терри не слишком-то любил Гидеон даже и до убийства.

– Я не знал, что ты здесь, – сказал Терри. – Я не слышал, как ты вошел. Ты что, отрастил рога? Пока я был в отъезде?

– Я решил, что самое время поменять имидж. Нравятся?

Терри помотал головой.

– Я хочу кое-что тебе сказать, – сказал он, и его кадык несколько раз дернулся вверх-вниз.

– Много вас таких.

– Я хочу кое-что тебе сказать, но я *не хочу* тебе это говорить. Я боюсь.

– Давай сыпь все сразу. Возможно, все не так уж и плохо. Вряд ли что-нибудь из того, что ты можешь мне сказать, слишком уж меня взволнует. Мама только что сказала, что не хотела бы никогда больше меня видеть. А папа хочет, чтобы меня посадили в тюрьму пожизненно.

– Не может быть.

– Очень даже может.

– О Иг! – сказал Терри, и глаза его наполнились слезами. – Я очень виноват. Во всем. В том, как для тебя обернулось дело. Я знаю, что ты очень ее любил. Знаешь, а я ведь тоже ее любил. Меррин. Она была потрясающая девчонка.

Иг кивнул.

– Я хочу, чтобы ты знал... – сказал Терри и запнулся.

– Давай, давай, – подбодрил его Иг.

– Я ее не убивал.

Иг молча воззрился на брата, в груди у него закололо. Мысль, что Терри изнасиловал Меррин, а потом убил, никогда не приходила ему в голову, принадлежала к области невозможного.

– Конечно же, нет, – сказал Иг.

– Я любил вас двоих и желал вам счастья. Я никогда бы не сделал ей ничего плохого.

– Знаю, – сказал Иг.

– Если бы мне только в голову пришло, что Ли Турно ее убьет, я бы постарался ему помешать, – сказал Терри. – Я думал, что Ли ее друг. Мне очень хотелось тебе рассказать, но Ли принудил меня к молчанию. Принудил.

– ИИИИИИИИИИИ! – закричал Иг.

– Он ужасен, Иг, – сказал Терри – Ты его просто не знаешь. Ты думаешь, что знаешь, но не имеешь никакого представления.

– ИИИИИИИИИИИ! – продолжал Иг.

– Ли подставил и тебя и меня. Я с того времени как в аду, – сказал Терри.

Иг выскочил в коридор, пробежал в полумраке к парадной двери, вылетел в ослепительное сияние дня с глазами, полными слез, не попал ногой на ступеньку и свалился во двор.

Плача и задыхаясь, он кое-как поднялся. При падении Иг выронил футляр от трубы – он даже и не осознавал, что тот еще при нем, – и теперь подобрал его с травы.

Он бросился через лужайку, почти не понимая, куда направляется. Уголки его глаз были мокрыми, и он подумал, что плачет, но когда тронул лицо пальцами, на пальцах оказалась кровь. Он поднял руки к рогам. Кончики рогов продырявили кожу, и по лицу его стекала кровь. Он ощущал в рогах размеренную пульсацию, и, хотя виски сильно саднило, от них исходило нервное ощущение, чем-то сходное с оргазмом. Он побежал, спотыкаясь, вперед, испуская поток проклятий и непристойностей. Он ненавидел то, как трудно ему дышать, ненавидел липкую кровь на щеках и руках, ненавидел слишком уж яркое синее небо, ненавидел свой собственный запах, ненавидел, ненавидел, *ненавидел*.

Заблудившись в своих собственных мыслях, он не видел Вериной каталки, пока чуть в нее не врезался. Он остановился буквально в шаге от бабушки и уставился на нее. Она снова задремала и тихонько похрапывала. Она слегка улыбалась, словно какой-то приятной мысли, и ее мирное счастливое лицо привело Ига в полнейшую ярость. Он ударил ногой по тормозу коляски и с силой ее толкнул.

– Сука, – сказал он вслед коляске, покотившейся по склону.

Вера приподняла голову с плеча, положила ее обратно, снова подняла и слабо пошевелилась. Каталка летела по зеленой ухоженной траве, ударилась одним колесом о булыжник, перескочила его и помчалась дальше, а Иг вспомнил себя пятнадцатилетнего и спуск на магазинной тележке по тропе Ивела Нивела⁹, ставший, если разобраться, поворотной точкой всей его жизни. Он что, летел так же быстро? Ничего себе – как каталка набирает скорость, как жизнь человека набирает скорость, как эта жизнь становится пулей, нацеленной в конечную мишень, пулей, которую не замедлить и не сбить с пути, и здесь, подобно той же пуле, не знаешь, обо что ударишься, да и вообще ничего не знаешь, кроме свиста воздуха и удара. Вера ударилась внизу о забор со скоростью миль сорок.

Когда Иг подошел к машине, он уже снова дышал легко, стесненное ощущение в груди прошло так же быстро, как и появилось. Воздух пах свежей травой, нагретой августовским солнцем, и зеленью листьев. Иг не знал, куда он дальше пойдет, знал только, что уходит. За его спиной проскользнул болотный уж, черно-белый и влажный с виду. К нему присоединился второй, затем третий, он их не замечал.

Сев за баранку «Гремлина», Иг начал посвистывать. Это действительно был хороший день. Он развернул «Гремлин» на подъездной дорожке и начал спускаться с холма. Шоссе его терпеливо ждало, в том самом месте, где он его *оставил*.

⁹ Роберт Крейг Нивел, известный как Ивел Нивел (1938–2007) – знаменитый американский каскадер, выполнявший рискованные трюки на мотоцикле.

Часть вторая

Вишенка

11

Она ему что-то говорила. Сперва он не понимал, что это она, не знал, кто это делает. Он даже не знал, что это послание. *Это* началось минут через десять после начала службы: всплеск золотого света на периферии его зрения, всплеск настолько яркий, что он даже зажмурился. Иг провел пару раз рукой по глазу, пытаясь стереть пятно, плававшее перед ним. Когда его зрение немножко прояснилось, он посмотрел по сторонам, но не смог найти источник света.

Девочка сидела по ту сторону прохода, одним рядом впереди, на ней было белое летнее платье, и он никогда ее прежде не видел. Он все время на нее посматривал, не потому, что подумал, будто она как-то связана со светом, а потому, что смотреть на нее было приятно. И он не один так думал. Худощавый парень с волосами, белыми почти как кукурузные рыльца, сидевший прямо за ней, заглядывал ей через плечо в вырез ее платья. Иг никогда не видел эту девочку, но смутно узнал парня по школе; тот был вроде бы годом старше.

Игнациус Мартин Перриш поискал глазами часы или браслет, способный бросить зайчик ему в глаз. Он украдкой осмотрел людей в очках с металлической оправой, женщин с обручами в ушах, но так и не смог найти источника вспышки. Впрочем, больше всего он смотрел на девочку с рыжими волосами и белыми голыми руками. В белизне этих рук было что-то такое, что делало их более голыми, чем руки всех других женщин, присутствовавших в церкви. Веснушки есть у очень многих рыжих, но эта выглядела так, словно ее вырезали из куска мыла.

Как только он переставал искать источник света и поворачивался лицом вперед, ослепительная вспышка повторялась. Они выводили его из себя, эти блики в уголке левого глаза, словно световая мошка, настойчиво кружившая над ним, трепетавшая перед лицом. Однажды он даже отмахнулся. Вот тут-то она себя и выдала, негромко фыркнув, дрожа от усилий сдерживать смех. Затем она на него взглянула – медленный взгляд искоса, в котором были удовольствие и веселье. Она поняла, что попалась и что больше нет смысла притворяться. А Иг, кроме того, понимал, что она *планировала* попасться, продолжать, пока не попадется; от этой мысли в нем сильнее забила кровь. Она была очень хорошенькая, примерно его возраста, ее волосы были заплетены в шелковистую косу вишневого цвета. Она крутила в пальцах тоненький золотой крестик, висевший у нее на шее, поворачивала его то так, то сяк, и солнечный свет превращал его в крестообразное пламя. Она задержала его в таком положении, что было чем-то вроде признания, а затем отвернула в сторону.

После этого Иг уже не мог уделять никакого внимания тому, что говорил с амвона отец Моулд. Больше всего ему хотелось, чтобы она снова взглянула в его сторону, но она долго этого не делала, такое милое кокетство. Но потом она снова покосилась на него, долго и осторожно. Глядя прямо на него, она бросила крестиком ему в глаза две короткие вспышки и длинную. Через пару секунд она промигала уже другую последовательность, на этот раз три короткие вспышки. Мигая крестиком, она смотрела ему прямо в глаза и улыбалась немного мечтательно, словно забыла, чему улыбается. Напряженность ее взгляда прямо говорила: она *хочет*, чтобы он нечто понял, и то, что она делает крестиком, очень важно.

– Думаю, это азбука Морзе, – прошептал уголком рта Игов отец: разговор заключенных во время прогулки.

Иг нервно дернулся. За последние несколько минут Священное Сердце Марии превратилось в телепрограмму, играющую где-то на заднем фоне, со звуком, прикрученным до еле

слышного бормотания. Но когда отец заговорил, он вернул Ига к осознанию, где они находятся. Кроме того, Иг с тревогой обнаружил, что его член немного затвердел и стал горячим. Было крайне важно, чтобы тот вернулся в прежнее положение. В любой момент мог начаться заключительный гимн, и тогда нужно будет встать, и в штанах недвусмысленно выпрет.

– Что? – спросил он у отца.

– Она говорит: «Перестань пялиться на мои ноги. – Деррик Перриш снова шептал уголком рта, на манер остряка из кино. – Или я подобью тебе глаз».

Иг издал забавный звук, словно пытаясь прокашляться. Теперь и Терри пытался ее увидеть. Иг сидел прямо у прохода, отец – справа от него, затем их мать и лишь потом Терри. Так что, чтобы увидеть девочку, Терри нужно было вытягивать шею. Он оценил ее внешность – она снова повернулась к ним лицом, – а затем громко прошептал:

– Ты уж извини, Иг, но никаких шансов.

Лидия стукнула его псалтырем по голове.

– Кой черт, мама? – сказал Терри и снова получил по голове.

– Не говори здесь этого слова, – прошептала она.

– Почему ты не ударила Ига? – прошептал Терри. – Это же он пялится на рыжую. Думает похотливые мысли. Он алкает. Ты на него только посмотри. Это же у него на лице написано. Ты только посмотри на это алкающее выражение.

– Алчущее, – поправил Деррик.

Лидия взглянула на Ига, и его щеки вспыхнули. Затем она переместила взгляд на девочку, которая не смотрела на них, притворяясь, что слушает отца Моулда. Через секунду Лидия фыркнула и стала смотреть вперед.

– Это ничего, – сказала она. – А то я уже начинала бояться, не гей ли наш Иг.

А затем настало время петь, и все они встали. Иг снова посмотрел на девочку, и в тот момент, когда она поднималась на ноги, на нее упал сноп солнечного света, и ее волосы вспыхнули красным огнем. Она повернулась и снова взглянула на него, открыв рот, чтобы запеть, но издала вместо этого нечто вроде негромкого, но пронзительного крика. Она собиралась было снова мигнуть ему крестиком, но тонкая цепочка оборвалась и струйкой стекла в ее руку.

Иг смотрел, как она наклонила голову и пыталась починить цепочку. Затем произошло нечто для него неприятное. Симпатичный блондин, стоявший за ней, наклонился вперед и неловко, неуверенно коснулся ее затылка. Он пытался помочь ей с крестиком. Девочка вздрогнула, наградив его удивленным, не слишком дружелюбным взглядом. Блондин не покраснел и даже ничуть не смутился. Прямо не мальчик, а античная статуя. Суровые, неестественно спокойные черты юного Цезаря, который может простым поворотом большого пальца спровадить компанию окровавленных христиан на пищу львам. Годы спустя прическа в таком стиле, коротко подстриженная щетка светлых волос, будет распуляризирована Маршаллом Мэтерсом¹⁰, но сейчас она смотрелась ничуть не примечательно. Кроме того, он был в галстук – высший класс. Он что-то сказал девочке, но та покачала головой. Ее отец наклонился, улыбнулся мальчику и начал сам возиться с крестиком.

Иг расслабился. Цезарь сделал тактическую ошибку, тронул девочку, когда она этого не ожидала, и тем ее рассердил, вместо того чтобы очаровать. Отец девочки какое-то время повозился с цепочкой, но затем рассмеялся и потряс головой, потому что ничего не получалось, и она тоже рассмеялась и забрала у него крестик. Ее мать строго на них воззрилась, и тогда девочка и ее отец снова начали петь.

Служба закончилась, и шум голосов возрос, как вода, заполняющая заданный объем, сразу сменив собой присущую церкви тишину. Из школьных предметов Игу всегда лучше давалась математика, и он автоматически думал в терминах емкости, объема, инвариантов и пре-

¹⁰ Маршалл Брюс Мэтерс III – настоящее имя рэпера Эминема (р. 1972).

выше всего абсолютных величин. Позднее это очень пригодилось на логической этике, но это, пожалуй, был единственный выигрыш от его математических талантов.

Ему хотелось поговорить с девочкой, но он не знал, что сказать, и мгновенно упустил свой шанс. Выйдя в проход, она на него взглянула, застенчиво, но улыбаясь, и тут же над ней навис юный Цезарь, что-то ей говоривший. Отец девочки снова вмешался, подтолкнув ее вперед и как-то втиснувшись между ней и юным императором. Отец приветливо улыбнулся мальчику, однако, когда тот заговорил, подтолкнул свою дочку вперед, увеличивая дистанцию между ними. Цезарь этим ничуть не обеспокоился и не попытался заговорить с ней снова, но спокойно кивнул и даже отступил в сторону, позволяя матери девочки и каким-то еще пожилым женщинам – тетушкам? – пройти мимо него. При папаше девочки, подталкивавшей ее вперед, не было никаких шансов с ней заговорить. Иг проводил ее глазами, страстно желая, чтобы она повернулась и махнула ему рукой, но она этого не сделала – конечно же, не сделала. К этому времени проход был забит уходящими прихожанами. Отец Ига положил руку ему на плечо, показывая, что они подождут, пока люди не разойдутся. Иг смотрел, как мимо проходит юный Цезарь. Вместе с ним был его отец, мужчина с густыми пшеничными усами, переходившими прямо в бакенбарды, придавая ему сходство с каким-нибудь плохим парнем из вестерна Клинта Иствуда, парнем, который стоит слева от Ли Ван Клифа и будет подстрелен первым же выстрелом в заключительной разборке.

В конце концов людской поток в проходе стал тоненькой струйкой, и отец Ига снял руку с плеча сына, давая ему понять, что теперь они могут идти. Иг встал со своего места и, как обычно, пропустил родителей вперед, чтобы самому идти вместе с Терри. На прощание он взглянул на то место, где сидела девочка, словно она могла снова там появиться, и, когда он это сделал, в глаза ему снова сверкнул золотой зайчик. Иг непроизвольно зажмурился, а затем открыл глаза и подошел к ее месту.

Девочка оставила свой золотой крестик лежащим на скомканной золотой цепочке прямо в квадратике света из окна. Наверное, она положила все это, а потом забыла, когда отец уводил ее от того блондинистого мальчишки. Иг поднял крестик, думая, что он будет холодным, но тот был теплым, восхитительно теплым, как монетка, пролежавшая весь день на солнце.

– Игги! – окликнула его мать. – Так ты идешь?

Иг сомкнул кулак вокруг крестика и цепочки и торопливо пошел по проходу. Было очень важно ее догнать. Она предоставила ему шанс произвести хорошее впечатление, найти потерянную вещь, показать свою наблюдательность и заботливость. Но когда он дошел до двери, ее уже не было. Он лишь на мгновение увидел ее в обшитом деревом микроавтобусе, как раз выворачивавшем на дорогу. Она сидела сзади в компании с одной из тетушек, а ее родители – впереди.

Ну что же, ничего страшного. Будет и следующее воскресенье, и, когда Иг вернет ей цепочку, та уже не будет порвана, и будет окончательно понятно, что же говорить, когда он будет представляться.

12

За три дня до того, как Иг и Меррин встретились впервые, отставной военный моряк, живший на северной стороне Лужи, проснулся как-то утром от оглушительного взрыва. На мгновение, не совсем еще проснувшись, он решил, что снова находится на авианосце ««Эйзенхауэр» и кто-то только что запустил противосамолетную ракету. Затем он услышал визг покрышек и хохот. Поднявшись с пола – он свалился с кровати и оцарапал себе бедро, – он откинул занавеску и увидел, как отъезжает чей-то говенный «Роудраннер». Его почтовый ящик был сбит взрывом со столбика и валялся теперь на земле. Он дымился и был весь в дырках, словно словил заряд из дробовика.

Тем же днем, но позднее прозвучал еще один взрыв, на свалке за универмагом «Вулворт». Бомба взорвалась с оглушительным грохотом и подкинула клочья горячего мусора в воздух футов на тридцать. Плавающие газеты и упаковочный материал посыпались огненным градом, и несколько припаркованных машин получили повреждения.

В воскресенье, когда Иг почувствовал любовь или по меньшей мере похоть к незнакомой девочке, сидевшей через проход от него в церкви Священного Сердца Марии, в Гидеоне произошел еще один взрыв. Так называемая вишенка – петарда со взрывной силой примерно в четверть палочки тринитротолуола – взорвалась в туалете «Макдоналдса» на Харпер-стрит. Она сорвала сиденье, разбила унитаз и бачок, залила водой пол и наполнила мужской туалет жирным черным дымом. Весь персонал и посетители были эвакуированы, пока пожарные не решили, что можно возвращаться. Об этом инциденте было написано в понедельничном номере газеты «Гидеон леджер», в статье, которая заканчивалась просьбой главного пожарного прекратить это хулиганство, пока кто-нибудь не лишился пальцев или глаза.

Взрывы гремели по городу несколько недель. Это началось за пару дней до Четвертого июля и продолжалось и после праздников со все нарастающей частотой. Терренс Перриш и его дружок Эрик Хеннити не были главными виновниками. Они никогда не уничтожали ничью собственность, кроме своей, и были оба слишком молоды, чтобы развлекаться в час ночи взрыванием каких-то почтовых ящиков.

И все же. И все же Эрик и Терри *находились* на пляже в Сибруке, когда двоюродный брат Эрика, Джереми Ригг, вошел на склад пиротехники и вышел оттуда с коробкой старых петард «вишенка», сорок восемь штук, изготовленных, если ему верить, в старые добрые времена, до того как мощность таких взрывных устройств была ограничена законами об охране детей. Джереми отдал шесть из них Эрику, по его словам – как запоздалый подарок ко дню рождения, хотя его истинным мотивом было сострадание. Отец Эрика уже больше года сидел без работы и вообще серьезно болел.

Возможно, Джереми Ригг был возбудителем этой эпидемии взрывов, и все многочисленные бомбы, взорвавшиеся тем летом, так или иначе связаны с ним. А возможно, Ригг купил петарды потому, что их покупали другие ребята, что это было модно. Возможно, эта зараза имела много источников, в этом Иг так и не разобрался, да это и не имело значения – все равно что спрашивать, как в мир пришло зло или что происходит с человеком после смерти; сии философические упражнения весьма любопытны, но вместе с тем и совершенно бессмысленны, ибо зло в мире есть и смерти происходят безотносительно того, что все это значит. Тут имеет значение только то, что в начале августа Эрик и Терри, подобно всем гидеонским тинейджерам мужского пола, лихорадочно занимались взрывами. Петарды, называвшиеся «вишенки Евы», были размером с китайское яблочко, имели текстуру кирпича и были украшены изображением почти что голой женщины – лихой красотки с задорно торчащими грудями и невероятными пропорциями девицы из порнографического журнала: эти самые груди были размером с футбольный мяч, а осиная талия в два раза тоньше бедер. Как некий намек на скромность,

ее пах был прикрыт чем-то вроде кленового листа; это привело Эрика Хеннити к заключению, что она болейщица «Торонто мейпл ливс» и, значит, долбаная канадская шлюха, которая буквально напрашивается, чтобы ей подпалили титьки.

Для начала Эрик и Терри опробовали петарду у Эрика в гараже. Они подкинули «вишенку» в ящик для мусора и дали деру. Последовавший взрыв уронил бак набок, закрутил его на бетонном полу и подкинул крышку к самым стропилам. Упавшая на пол крышка дымилась и была согнута посередине, словно кто-то пытался ее сломать. Иг при этом не присутствовал, но Терри потом ему все рассказал, а в частности то, что в ушах у них с Эриком так звенело, что они даже не слышали, как друг другу кричат. Далее последовала целая цепочка объектов разрушения: кукла Барби в человеческий рост, старая крышка, которую они пустили по склону с петардой, приклеенной внутри. И наконец, арбуз. Иг не присутствовал ни при одном из упомянутых взрывов, но брат всегда рассказывал ему в больших подробностях, какую забаву он пропустил. Иг знал, к примеру, что от Барби не осталось ничего, кроме почерневшей ноги, которая шлепнулась с неба на дорожку к Эриковому дому, шлепнулась и начала подпрыгивать, словно исполняя какой-то дикий танец. Что от вонии загоревшейся крышки всем становилось плохо и что Эрик Хеннити встал слишком близко к взорвавшемуся арбузу и ему пришлось спешно принимать душ. Эти рассказы переполняли Ига завистью, и в середине августа ему уже отчаянно хотелось и самому взглянуть, как что-нибудь уничтожается.

Так что, когда утром Иг зашел на кухню и увидел, как Терри пытается запихнуть в свой школьный рюкзак двадцативосьмифунтовую индейку, он сразу догадался, зачем это. Он не стал канючить, чтобы брат его взял, и не стал прибегать к угрозам типа «возьми меня с собой, или я расскажу маме». Вместо этого он поглядел, как Терри борется со своим рюкзаком, а потом сказал, что лучше понести индейку вдвоем. Он достал из кладовки свой дождевик, они закатали в него индейку, и каждый взял по рукаву. Нести ее таким образом было совсем незатруднительно, и само собой вышло, что Иг идет вместе с братом.

Так они дотащили индейку до опушки пригородного леса, а там, в болоте, чуть в стороне от тропы к старой заброшенной литейной мастерской, Иг обнаружил магазинную тележку. Правое переднее колесо дико виляло из стороны в сторону, с тележки сыпалась ржавчина, но с ней было все же лучше, чем тащить индейку в руках добрых полторы мили. Терри поручил тележку заботам Ига.

Старая литейная была строением из темного кирпича с большим изогнутым дымоходом, торчащим из одного конца, и стенами, сплошь испещренными дырами, где были когда-то окна. Она была окружена несколькими акрами древней автостоянки, асфальт на которой растрескался чуть ли не до полного исчезновения и пророс многочисленными клочьями сорняков. Сегодня здесь кипела жизнь: разъезжали на скейтбордах ребята, а в мусорном баке, стоящем чуть поодаль, горел огонь. Вокруг огня собралась группа заброшенного вида тинейджеров: двое мальчишек и какая-то девчонка. У одного из них было наколото на палку нечто вроде вялой сосиски; сосиска почернела и изогнулась, от нее шел голубой сладковатый дым.

– Ты только глянь, – сказала девчонка, пухлая прыщеватая блондинка в низко сидящих джинсах; Иг ее знал, они были ровесниками, Гленна какая-то. – Вот и обед пришел.

– Ну прямо как долбаное Благодарение, – сказал один из ребят, одетый в футболку с надписью «Дорога в ад»¹¹. – Кидай эту клевую сучару сюда.

Он широким жестом указал на огонь, горевший в мусорном баке.

Иг, которому было только пятнадцать, державшийся очень неуверенно в обществе незнакомых старших ребят, не мог даже говорить; в горле у него пересохло, словно при приступе астмы. А вот Терри – другое дело. Двумя годами старше и получивший уже право водить

¹¹ Highway to Hell – выпущенный в 1979 г. альбом австралийской группы AC/DC (шестой в их дискографии – и последний перед смертью их первоначального вокалиста Бона Скота).

машину, если рядом с ним сидит взрослый, Терри обладал своего рода вкрадчивым изяществом и искусством шоумена забавлять аудиторию. Он заговорил за них обоих. Он всегда говорил за них обоих: такова была его роль.

– Похоже, обед уже готов, – сказал Терри, кивнув на предмет на палке. – Ваш хот-дог скоро совсем сгорит.

– Это не хот-дог! – взвизгнула девица. – Это говешка! Гари жарит собачью говешку!

И согнулась пополам от визгливого хохота. Джинсы у нее были старые и потертые, слишком тесный лифчик явно пришел с дешевой распродажи, а вот красивая черная кожаная куртка европейского покроя никак не согласовалась ни с остальной ее одеждой, ни с погодой, и Иг сразу подумал, что это краденая.

– Хочешь попробовать? – спросил Дорога в ад. Он вытащил палку из огня и ткнул ею в направлении Терри. – Прожарена идеально.

– Да брось ты! – отмахнулся Терри. – Я старшеклассный девственник и играю на трубе в оркестре, марширующем по праздникам. Я ем достаточно говна и без вашей помощи.

Гопники повалились от хохота; может быть, в меньшей степени из-за того, что было сказано, чем из-за того, кто это сказал – стройный симпатичный парень с банданой из американского флага, накрученной на голову, чтобы укротить лохматую черную шевелюру, – и как это было сказано, ликующим тоном, словно он измывался над другими, а не над собой. Терри использовал шутки, подобно броскам дзюдо, как способ отвести прочь чужую энергию, и если он не мог найти для своего юмора никакой другой мишени, то стрелял в себя – умение, которое сослужит ему хорошую службу в будущем, когда он будет брать интервью для «Хот-хауза», умоляя Клинта Иствуда ударить его по лицу, а потом поставить автограф на сломанный нос.

Дорога в ад уже глядел мимо Терри через площадку, покрытую растрескавшимся асфальтом, на парня, стоявшего у начала тропы Ивела Нивела.

– Эй, Турно! Твой ланч уже готов.

Новый взрыв хохота – хотя девчонка, Гленна, неожиданно засмущалась. Парень у начала тропы даже не взглянул в их сторону, а продолжал смотреть вниз с холма, держа под мышкой большой горный скейтборд.

– Что ты там делаешь? – крикнул Дорога в ад, не получив ответа. – Или я должен поджарить тебе пару яиц?

– Давай, Ли! – крикнула девчонка и ободряюще вскинула вверх кулак. – Рвани!

Парень, стоявший у начала тропы, бросил на нее пренебрежительный взгляд, и в этот самый момент Иг его узнал, узнал по церкви. Это был юный Цезарь. В церкви на нем был галстук и сейчас тоже, плюс рубашка с короткими рукавами и пуговицами, шорты цвета хаки и высокие ботинки без носков. Одним уже тем, что у парня был под мышкой горный скейтборд, он придавал своей одежде вид смутно-альтернативный, так что ношение галстука представлялось своего рода иронической аффектацией, словно у лидера какой-нибудь панк-группы.

– Никуда он не поедет, – сказал другой из парней, стоявший у мусорного бака, длинно-волосый. – Господи, Гленна, у него шагна больше, чем у тебя.

– В рот я тебя имела, – сказала она.

Компании, собравшейся вокруг мусорного бака, ее уязвленность показалась особенно забавной. Дорога в ад так затрясся от смеха, что поджаренная говешка упала с его палки в костер.

Терри чуть хлопнул Ига по руке, и они двинулись дальше. Игу не хотелось уходить: в этих ребятах ему виделось нечто почти невыносимо печальное. Им было совершенно нечего делать. Было ужасно, что к этому и сводился весь их летний день. Горелое говно и уязвленные чувства.

Они с Терри подошли к гибкому, как тростинка, белокурому парню – Ли Турно, по всей видимости, – и замедлили шаг, достигнув верхней точки тропы Ивела Нивела. Отсюда холм круто спускался к реке, темно-синему проблеску, угадывавшемуся между черными стволами

сосен. Когда-то это была грунтовая дорога, хотя трудно было себе представить, как кто-нибудь едет тут на машине: такой она была крутой и выветренной, самый идеал, чтобы перевернуться. Из земли выглядывали две полузасыпанные ржавые трубы, а между ними тянулась гладкая, плотная, накатанная колея, углубление, утоптанное чуть ли не до блеска тысячами горных велосипедов и десятками тысяч босых ног. Игова бабушка Вера рассказывала ему, что в тридцатые и сороковые, когда люди кидали в реку что попало, литейная мастерская использовала эти трубы, чтобы смывать окалину в воду. Трубы выглядели почти как рельсы, не хватало только паровозика, чтобы ездить по ним. С обеих сторон труб тропа состояла из обожженной солнцем земли вперемешку с камнями и всяким мусором. Укатанная тропа между трубами представляла собой простейший путь вниз; Иг и Терри приостановились, ожидая, что Ли Турно сейчас съедет.

Только он этого не сделал. И явно не собирался делать. Он положил доску на землю – она имела рисунок в виде кобры и большие толстые шишкастые колеса – и покатал ее ногой туда-сюда, словно проверяя, как она катится. Затем присел на корточки и притворился, что проверяет вращение одного из колес. Теперь над ним измывались не только те ребята, которые жарили дерьмо. Внизу у холма стояли Эрик Хеннити и компания еще каких-то парней. Щуря глаза от солнца, они смотрели на него снизу вверх и выкрикивали обидные шутки. Кто-то посоветовал ему засунуть в жопу тряпку, чтобы не обосраться и больше не тянуть. Стоявшая у мусорного бака Гленна снова крикнула:

– Да съезжай же ты, ковбой!

Ее грубая жизнерадостность скрывала нотки отчаяния.

– Ну что же, – сказал Терри, – такие, значит, дела. Ты можешь прожить свою жизнь либо калекой, либо слабаком.

– Что это значит? – удивился Ли.

– Это значит, – вздохнул Терри, – едешь ты или нет?

И тут вмешался Иг, много раз съезжавший по этой тропе на горном велосипеде.

– Не бойся, – сказал он. – Тропа между трубами совершенно гладкая и...

– Ничего я не боюсь, – огрызнулся Ли, словно Иг его обвинял.

– Тогда спускайся, – сказал Терри.

– Одно из колес заедает, – ответил Ли.

Терри рассмеялся. И отнюдь не добродушно.

– Пошли, Иг, – сказал он.

Иг протолкнул тележку мимо Ли Турно в колею между трубами. Ли взглянул на индейку, лоб вопросительно наморщился, но он ничего не сказал.

– Мы ее сейчас взорвем, – сказал Иг. – Пошли посмотрим.

– Если хочешь, чтобы тебя скатили вниз, – сказал Терри, – в этой тележке есть детское сиденье.

Не надо было, конечно же, так говорить. Иг сочувственно улыбнулся Ли, но лицо у того было как у Спока на мостике «Энтерпрайза»¹², без тени эмоций. Он отшагнул в сторону, прижимая доску к груди, и проводил их глазами.

Ребята, что внизу, уже их ждали. Была там и пара девиц, старших, может быть, даже учившихся в колледже. Они не ошивались на берегу вместе с ребятами, загорали на скале Гроб в предельно миниатюрных топах и обрезанных джинсах. Скала Гроб, широкий белый камень, буквально сверкавший на солнце, располагалась в сорока футах от берега. Их каяки лежали на маленькой песчаной косе, тянувшейся от скалы вверх по течению. Вид этих девушек, лежавших на камне, переполнил Ига любовью к миру. Две брюнетки – они вполне могли быть сестрами, загорелые и длинноногие, – сели и стали негромко переговариваться, поглядывая на

¹² Спок, «Энтерпрайз» – герой и космический корабль из культового телесериала «Звездный путь».

парней. Даже повернувшись к Гробу спиной, Иг ощущал их присутствие, словно эти девушки, а не солнце были первоисточником света, падавшего на берег.

Поглядеть на спектакль собралась дюжина или около того парней. С притворным безразличием они сидели на древесных сучьях, свисавших над водой, или, широко расставив ноги, на своих горных велосипедах, или просто на валунах и все как один старались изображать холодную отстраненность. Это тоже объяснялось присутствием на скале девушек. Каждый из этих мальчишек хотел выглядеть старше всех остальных, слишком взрослым, если разобраться, чтобы вообще сюда ходить. И если они могли кислым видом и высокомерной позой как-нибудь намекнуть, что находятся здесь только потому, что их заботам поручены младшие братья или сестры, тем лучше.

Может быть, потому, что он действительно должен был присматривать за младшим братом, Терри позволял себе быть радостным и довольным. Он вытащил из магазинной тележки замороженную индейку и подошел к Эрику Хеннити, который встал ему навстречу, отряхивая мусор со штанов.

– Поджарим-ка эту суку, – сказал Хеннити.

– Чур, мне ножку, – сказал Терри, и некоторые из парней рассмеялись против своего желания.

Эрик Хеннити был того же возраста, что и Терри, грубый диковатый парень с руками, умевшими поймать футбольный мяч, забросить спиннинг, починить моторчик и шлепнуть по заднице. Эрик Хеннити был их супергероем, в дополнение ко всему его отец, бывший местный полицейский, был самым вправдашным образом ранен, хотя не в перестрелке, а в казарме: на третий день его службы другой полицейский уронил заряженный пистолет, и пуля попала Брету Хеннити в живот. Отец Эрика занимался теперь распространением бейсбольных карточек, хотя Иг, наблюдавший его достаточно долгое время, давно уже думал, что его настоящим бизнесом была борьба со страховой компанией за стотысячедолларовую страховку, которая все никак не могла материализоваться.

Эрик и Терри оттащили мороженую индейку к старому пню, прогнившему настолько, что в середине него была мокрая дыра. Эрик наступил на птицу и вдавил ее в пень. Она засела очень плотно, так что по краям дыры вспучились кожа и жир. Отдельно были втиснуты две ножки – розовые кости, обтянутые сырой плотью.

Эрик достал из кармана две свои последние «вишенки» и отложил одну из них в сторону. Он словно не замечал мальчишку, тут же ее подхватившего, и других мальчишек, собравшихся вокруг, глаза и прищелкивая языками. У Ига мелькнула мысль, что Эрик вытащил свою лишнюю «вишенку» именно для того, чтобы добиться такой реакции. Терри взял другую петарду и засунул ее в индейку. Из заднего прохода несчастной птицы похабно торчал длинный шестидюймовый запал.

– Всем вам очень хочется попрыгаться, – сказал Эрик, – а иначе вы будете одеты в индюшатины. И дайте-ка мне эту другую. Если кто-нибудь попробует смыться с моей последней «вишенкой», эта птишка не будет последней, в чью жопу я засуну боеприпас.

Мальчишки расселись, прячась на дне канавы за стволами деревьев. Несмотря на все их усилия выглядеть равнодушно, в воздухе ощущалось нервное ожидание. Девушки на скале тоже проявляли заинтересованность; они видели, что-то сейчас случится. Одна из них встала на колени и заслонила глаза рукой, глядя то на Терри, то на Эрика. Иг испытал укол зависти, что она не смотрит вместо них на него.

Эрик поставил ногу на край пня, вытащил зажигалку и щелкнул ею. Запал начал рассыпать белые искры. Эрик и Терри какую-то секунду помедлили, глядя на запал, словно сомневаясь, будет он гореть или нет. Затем начали пятиться, без особой спешки. Это делалось очень красиво, с тщательно продуманным сценическим спокойствием. Эрик велел всем остальным попрыгаться, и они беспрекословно подчинились, и только Эрик и Терри выглядели стальными

и неустрашимыми и в том, как они поджигали петарду, и в том, как медленно, неторопливо уходили из зоны взрыва. Они отступили на двадцать шагов, но так и не пригнулись, не спрятались за чем-нибудь, а упорно смотрели на пень. Запал шипел приблизительно три секунды и вдруг погас. И ничего не случилось.

– Вот же мать твою! – сказал Терри. – Отсырел, наверное.

И шагнул по направлению к пню.

– Подожди, – схватил его за руку Эрик. – Иногда они...

Но Иг не услышал окончания фразы. Никто не услышал. Двадцативосьмифунтовая индейка Лидии Перриш взорвалась с оглушительным грохотом, звуком настолько громким и неожиданным, что девушки на скале закричали. То же самое сделали многие из ребят. Иг и сам бы закричал, но взрыв словно выбил из его слабых легких весь воздух, и вместо крика получился негромкий визг.

Индейка была разодрана в клочья мощной вспышкой пламени. Взорвался и пень. В воздухе закружились дымящиеся обломки дерева. Небеса разверзлись, и пошел мясной дождь. Кости с прилипшими к ним огрызками мяса сыпались дождем, сбивая листья с деревьев и подпрыгивая на земле. Куски индейки звучно плюхались в воду. Позднее многие ребята рассказывали, что девушки на Гробе были увешаны кусками сырой индюшатины и сплошь измазаны кровью, как девица в этой долбаной «Кэрри». Но это было злостное искажение истины. Дальше всего отлетевшие куски индейки не долетели до скалы на добрые двадцать футов.

Уши Ига были словно заткнуты ватой. Далеко-далеко кто-то возбужденно вопил – во всяком случае, ему казалось, что далеко. Но когда он оглянулся через плечо, то увидел, что вопящая девушка стоит прямо за ним. Это была Гленна в своей шикарной кожаной куртке и топе, туго обтягивавшем сиськи. Она стояла рядом с Ли Турно, сжимая рукой два или три его пальца. Другая ее рука была сжата в кулак и вскинута высоко в воздух, что является у деревенщины жестом триумфа. Когда Ли заметил, что она делает, он без единого слова высвободил свои пальцы из ее хватки.

Не сразу, но постепенно в тишину ворвались звуки: голоса, крики и смех. Не успел упасть сверху последний кусок останков индейки, как ребята уже повыскакивали из своих укрытий и начали дикий танец. Некоторые из них хватали расщепленные кости, швыряли их вверх и притворялись, что прячутся, заново разыгрывая момент взрыва. Другие мальчишки прыгали на низкие сучья деревьев, притворяясь, что наступили на противопехотные мины и были сброшены взрывом. Они качались на сучьях и вопили. Один из парней приплясывал, почему-то изображая, что играет на гитаре, и, видимо, даже не подозревая, что в волосах у него застрял лоскут индейкиной кожи. Все это выглядело как кадры из документального фильма о дикарях. Производить впечатление на девушек со скалы было в данный момент необязательно, во всяком случае, для большинства парней. Когда индейка взорвалась, Иг сразу посмотрел на реку, проверяя, все ли с ними в порядке. И затем он продолжал на них смотреть, как они поднимаются на ноги и весело о чем-то говорят. Одна из них кивнула в направлении по течению, и они дружно пошли по песчаной косе к своим каякам. Скоро они уйдут.

Иг пытался придумать какой-нибудь способ их задержать. У него была магазинная тележка, и он прошел несколько футов по тропе вверх, а затем съехал вниз, стоя на дальнем конце тележки, просто потому, что при движении ему думалось лучше. Он съехал так раз, затем еще раз, настолько глубоко уняв свои мысли, что даже не замечал, что он это делает. Эрик, Терри и другие ребята собрались вокруг дымящихся остатков пня, чтобы посмотреть на произведенные разрушения. Эрик качал в руке последнюю «вишенку».

– А сейчас что взорвете? – спросил кто-то из ребят.

Эрик задумчиво нахмурился, но ничего не ответил.

Мальчишки, толпившиеся рядом, стали сыпать предложениями, и вскоре они все кричали, стараясь перекричать друг друга. Кто-то предлагал притащить и взорвать окорок, но Эрик покачал головой.

– С мясом мы уже работали, – сказал он.

Кто-то еще сказал, что можно подложить «вишенку» в грязную пеленку его маленькой сестрички. Третий добавил, что только в том случае, если она и сама будет в этой пеленке, чем вызвал всеобщий хохот. Затем вопрос был повторен: а сейчас, мол, что взорвете? И Эрик наконец принял решение.

– Ничего, – сказал он и спрятал «вишенку» в карман.

Вскинулись разочарованные крики, но Терри, понимавший свою роль в этой сцене, одобритительно кивнул.

Затем пошли предложения об обмене. Один мальчишка сказал, что отдаст за «вишенку» порнофильмы своего папаши. Другой сказал, что даст *домашние* папашины порнофильмы.

– Серьезно, моя мамаша трахается как бешеная сука, – сказал он, и парни буквально попадали от хохота.

– Шансов, что я отдам свою последнюю «вишенку», – сказал Эрик, – ровно столько же, сколько на то, что кто-нибудь из вас, педиков, залезет на эту тележку и съедет на ней голышом с вершины холма.

Он указал через плечо большим пальцем на Ига и его тележку.

– Я съеду на ней с вершины холма, – сказал Иг. – Голышом.

Все головы повернулись. Иг стоял в нескольких футах от мальчишек, собравшихся вокруг Эрика, и сперва вроде бы никто и не понял, кто это сказал. Затем раздался смех и недоверчивое улюлюканье. Кто-то швырнул в Ига ножку индейки; он увернулся, и та пролетела над ним. Когда Иг выпрямился, он увидел, что Эрик пристально на него смотрит, перекидывая последнюю «вишенку» с руки на руку. Терри стоял прямо за Эриком с окаменевшим лицом; он покачал головой и прошептал одними губами: *«Нет, ты этого не сделаешь»*.

– Ты это что, правда? – спросил Эрик.

– Ты отдашь ее мне, если я съеду с холма на этой тележке, раздевшись догола?

Эрик Хеннити узко сощурился, разглядывая Ига.

– До самого низа. Голышом. Если тележка не доедет до низа, ты не получишь ничего. И неважно, даже если ты при этом сломаешь свою долбаную шею.

– Пижон! – вмешался Терри. – Я тебе не разрешаю. Какого хрена, ты думаешь, я скажу мамаше, когда ты обдерешь всю шкуру со своей костлявой жопы?

Иг подождал, пока стихнут веселые крики, а потом ответил:

– Я съеду безо всяких повреждений.

– Договорились, – сказал Эрик Хеннити. – Я хочу на это посмотреть.

– Подождите, подождите, – сказал Терри, срываясь на хохот, и помахал рукой в воздухе. Он торопливо подошел к Игу, обогнул тележку и взял его за локоть. Когда он нагнулся, чтобы прошептать Игу на ухо, лицо его улыбалось, но голос звучал почти угрожающе. – Какого хрена? Хочешь съехать с этого холма, болтая мудями, а мы тут будем хохотать, как дебилы? Ты этого не сделаешь.

– Почему? Мы же купались здесь голышом. Половина этих парней уже видела меня без одежды. А другая половина, – Иг бросил взгляд на собравшихся, – даже себе не представляет, какое зрелище они пропустили.

– Да ну, совершенно ведь без шансов. Иг, это долбаная магазинная тележка. У нее же совсем хреновые колеса.

– Я съеду, – упрямо ответил Иг.

Терри слегка раздвинул губы и ухмыльнулся злой, бессильной улыбкой. Но в его глазах... в его глазах гнезился испуг. В воображении Терри Иг уже содрал большую часть своего лица

о склон холма и лежал визжащим куском мяса на полпути вниз. Иг ощутил сочувственное сострадание к Терри. Вообще говоря, Терри был хладнокровен, куда хладнокровнее, чем Иг мог надеяться быть, но Терри боялся. Страх сузил поле его зрения так, что он не видел ничего, кроме того, что мог потерять. Иг был устроен совсем иначе.

И тут заговорил Эрик Хеннити:

– Не мешай, если ему так хочется. Это же он рискует своей жопой, а не ты.

Какую-то секунду Терри продолжал спорить с Игом, не словами, а взглядом. Тем, что заставило Терри отвести глаза, был звук. Тихое презрительное фырканье. Ли Турно заслонил ладонью рот и тихо шептал Гленне, однако по какой-то причине именно в этот момент на холме все стихло, и голос Ли был слышен всем, кто находился в десятке футов от него.

– ...нам ни к чему находиться рядом, когда соскребать это говно со склона придет «Скорая помощь»...

Терри резко развернулся, его лицо исказила гневная гримаса.

– Нет уж, не уходи. Стой здесь с этой своей доской, на которой ты и ездить-то бздишь, и гляди на представление. Тебе будет кстати увидеть такую невидаль, как пара яиц. Веди подробную запись.

Парни так и покатались от хохота. Лицо Ли Турно вспыхнуло, стало таким красным, каким Иг прежде не видал ни одно человеческое лицо, красным, как дьявол в диснеевском мультфильме. Гленна бросила на своего бойфренда сочувственный и немного презрительный взгляд, а затем отошла от него, словно боясь чем-то заразиться.

Под веселые крики всех собравшихся Иг высвободил руку из хватки Терри и покатил тележку вверх по холму. Он толкал ее сквозь траву, которой поросла одна из сторон тропы, потому что не хотел, чтобы ребята, поднимавшиеся следом за ним, знали то, что знал он, видели то, что он видел. Он не хотел давать Эрику Хеннити никакого шанса отступить от обещания. Ребята бежали следом за ним, толкаясь и что-то крича.

Иг поднялся еще не очень высоко, когда маленькие колесики тележки зацепились за какую-то ветку и тележка стала уходить в сторону. Он изо всех сил пытался поправить положение, чем вызвал у своих спутников новый взрыв веселья. Терри, шедший рядом с Игом, схватил передний конец тележки, и как мог, ее исправил, тряся при этом головой и сказав еле слышно: «Господи». Иг пошел дальше, толкая тележку перед собой.

Еще несколько шагов, и Иг оказался на вершине холма. Если уж он решил это сделать, не было никаких причин медлить или смущаться. Он отпустил тележку, схватился за пояс шорт и сдернул их вниз вместе с трусами, продемонстрировав парням, ждавшим внизу, свою тощую белую задницу. Раздались крики удивления и деланого отвращения. Иг распрямился, на его лице играла ухмылка. Пульс его ускорился, но только слегка, как у человека, перешедшего с быстрой ходьбы на легкий бег, торопясь поймать такси, прежде чем его займет кто-нибудь другой. Он откинул ногой шорты, не снимая кроссовок, и стащил через голову рубашку.

– Ну же, – сказал Эрик Хеннити, – не надо быть таким застенчивым.

Терри рассмеялся – как-то слишком пронзительно – и отвел глаза в сторону.

Иг повернулся к парням – пятнадцати лет и в чем мать родила, яйца и член наружу, солнце припекает голые плечи. Ветер принес запах дыма от огня в мусорном баке, у которого все еще стояли Дорога в ад и его хайратый друг.

Дорога в ад вскинул левую руку с вытянутыми мизинцем и указательным пальцем, всеобщий символ дьявольских рогов, и громко крикнул:

– Давай, миляга, дери тебя в рот! Стриптиз!

По какой-то причине этот выкрик подействовал на парней больше, чем что-либо сказанное раньше, так что некоторые из них схватились за живот и согнулись вдвое, хватая воздух ртом, словно реагируя на какой-нибудь распыленный в воздухе яд. Иг же был даже удивлен, как свободно он себя чувствует, совсем без ничего, не считая кроссовок. Он не боялся быть

голым перед другими мальчишками, а девушки с Гроба едва ли успеют увидеть его, прежде чем он шлепнется в воду, – мысли о них совсем его не беспокоили. Зато была другая мысль, приятно щекотавшая его воображение, затаившаяся где-то внизу его живота. Конечно же, *была* одна девушка, смотревшая на него: Гленна. Она стояла на цыпочках позади толпы, ее челюсть отвисла, выражая некую смесь удивления и веселья. Ее бойфренда, Ли, рядом с ней не замечалось. Он не пошел вместе с остальными вверх по склону, видимо, не желая увидеть, на что похожи яйца.

Иг откатил тележку вперед и установил ее на нужное место, используя момент всеобщей неразберихи, чтобы приготовиться к спуску. Никто и не заметил, как аккуратно он поставил тележку по отношению к полужасыпанным трубам.

Еще внизу, катая тележку туда-сюда, Иг обнаружил, что две старые ржавые трубы уложены на землю примерно в полутора футах друг от друга и что маленькие задние колеса тележки точно ставятся в этот промежуток. С каждой стороны от колесиков осталось примерно по четверти дюйма свободного пространства, и, когда одно из передних колес дергалось в сторону и пыталось сбить тележку с курса, оно, как подметил Иг, задевало трубу и возвращалось обратно. Было, конечно же, очень возможно, что на крутом спуске тележка стукнется о камень и перевернется, однако она точно не свернет с курса. *Не может* свернуть с курса. Она будет катиться между двух этих труб, как поезд по рельсам.

Одежки Ига все еще были у него под мышкой, он повернулся и кинул их Терри.

– Никуда с ними не уходи. Все это кончится очень быстро.

– Ну вот, ты сам это сказал, – сказал ему Эрик, что вызвало новую волну смешков, однако не взрыв всеобщего веселья, как можно бы было ожидать.

Теперь, когда настал момент и Иг держал ручку тележки, готовясь столкнуть ее вперед, он увидел на лицах некоторых мальчишек вполне откровенную тревогу. Некоторые ребята, поумнее и постарше, выглядели озабоченно, в их глазах читалось первое осознание, что кто-то, наверное, должен как-нибудь с этими шутками покончить, прекратить их, прежде чем они зайдут чересчур далеко и Иг серьезно пострадает. У Ига мелькнула мысль, что, если он сейчас же не поедет, кто-то может выставить серьезные возражения.

– Пока, – сказал Иг и, прежде чем кто-нибудь смог ему помешать, толкнул тележку вперед и встал на нее сзади.

Это был прямо этюд по перспективе – две трубы, уходящие вниз, равномерно сближаясь к конечной точке, пуля и ствол. Почти сразу с того момента, как Иг стал на тележку, он окунулся в эйфорическую почти-тишину: единственными звуками были визг колес и стук стальной рамы. Снизу на него мчалась Ноулз-ривер, ее черная поверхность сверкала алмазными вспышками солнца. Колеса со стуком уходили то вправо, то влево, ударялись о трубы и возвращались назад, как Иг и предвидел.

Прошли какие-то секунды, и магазинная тележка уже мчалась слишком быстро, чтобы Иг мог что-нибудь сделать, кроме как просто держаться. Он не мог остановиться, не мог слезть. Он никак не предвидел, насколько быстро она будет ускоряться. Ветер хлестал по его голой коже с такой силой, что она буквально горела, он чувствовал себя вспыхнувшим Икаром. Тележка обо что-то ударилась, о какой-то большой камень, и левая ее сторона оторвалась от земли, и это было, пожалуй, все; он неизбежно должен был перевернуться на этой огромной фатальной скорости, его голое тело пулей улетит вперед, земля обдерет с него всю кожу, его кости будут раздроблены в неожиданном взрывном ударе, как были раздроблены кости индейки. Однако левое переднее колесо зацепилось за верх трубы и вернуло тележку на место. Звук вращения этих колес становился все выше и пронзительнее, дикий сумасшедший визг.

Подняв глаза, Иг увидел конец тропы, место, где трубы сходились в конечной точке, а дальше – грунтовой откос, с которого он полетит в воду. На песчаной косе, рядом со своими

качками, стояли те девушки. Одна из них указывала на него. *Хей-диддл-диддл... Из перепрыгнула луну*¹³.

Тележка с визгом сорвалась с труб и взлетела над откосом, как ракета, покидающая пусковую установку. Затем она ударилась об откос, и Иг взмыл в воздух, и небеса для него отверзлись. Солнечный день поймал Ига, словно он был небрежно брошенный мяч, и мгновение держал нежной хваткой, а затем стальная рама тележки ударила его по лицу, и небеса его отпустили, швырнули во мрак.

¹³ Из известной английской детской песенки, только на самом деле в ней «корова перепрыгнула луну».

13

У Ига остались обрывки воспоминаний о времени, проведенном им под водой, но позднее он решил, что это ложная память, потому что как бы он мог что-либо помнить, если был без сознания?

А помнил он сплошной мрак, и оглушительный рев, и вихревое движение. Его бросило в гремющий поток душ, оторвало от земли и всякого представления о порядке, приобщило к изначальному хаосу. Иг был в ужасе от этого хаоса, был потрясен мыслью, что, может быть, это ждет его после смерти. Он чувствовал, что его уносит прочь, не просто прочь от жизни, а прочь от Бога, от идеи Бога, от надежды, от разума, от идеи, что вещи имеют смысл, что за причиной следует следствие и так, чувствовал Иг, не должно быть, смерть не должна быть такой, даже для грешников.

Он что было сил барахтался в этом яростном потоке грохота и пустоты. И мрак вроде бы расступился, отшелушился, как луковая кожура, и смутно показался кусочек неба, но затем мрак снова сомкнулся. Когда он почувствовал, что совсем слабеет и безнадежно тонет, его словно что-то подтолкнуло снизу и куда-то потащило. Затем совершенно неожиданно под его ногами появилось нечто более существенное, вроде бы грязь. Еще через секунду он услышал далекий крик и почувствовал удар в спину.

Сила удара сотрясла его насквозь, выбила из него мрак. Его глаза резко открылись, и он уставился в болезненную яркость. Его вырвало. Из его рта и ноздрей хлынула река. Он повернулся в грязи на бок, прижался к грунту ухом и слышал теперь то ли топот приближающихся ног, то ли стук собственного сердца. Он был ниже по течению от тропы Ивела Нивела, хотя в этот первый, еще смутный, момент сознания не знал точно, насколько ниже. Мимо него, в трех дюймах от носа, по илу скользнул кусок черного пожарного шланга. Только после того как он исчез, Иг догадался, что это была змея, ползшая по берегу.

Листья над ним постепенно начали фокусироваться, выделяясь на фоне яркого неба. Кто-то стоял рядом с ним на коленях, держа руку на его плече. Начали появляться мальчишки, они проламывались через пустырь и резко тормозили, увидев его.

Иг не видел, кто стоит рядом с ним на коленях, но был уверен, что это Терри. Терри вытащил его из воды и вернул ему дыхание. Иг опять перекатился на спину, чтобы взглянуть на своего брата, но на него отстраненно глядело худое бледное лицо мальчишки с поразительно светлыми волосами. Ли Турно машинально разглаживал на груди свой галстук. Его шорты были мокрыми, хоть выкручивай; Игу не нужно было спрашивать почему. В этот момент, глядя на лицо Ли, он решил, что тоже будет носить галстук.

Прибежавший сверху Терри резко затормозил. Следовавший за ним Эрик Хеннити бежал так быстро, что чуть не сшиб его с ног. К этому моменту количество набежавших мальчишек достигло, наверное, двух десятков.

Иг сел, подтянув колени к груди. Он снова взглянул на Ли, открыл было рот, чтобы говорить, но при первой же попытке в носу у него что-то болезненно щелкнуло, словно проявился какой-то перелом. Он согнулся и высморкал на землю красный сгусток крови.

– Извините, – сказал Иг. – Вся эта кровь...

– Я думал, что ты уже мертвый, – сказал Ли и передернулся всем телом. – Ты выглядел немножко мертвым. Ты не дышал.

– Ладно, – сказал Иг. – Теперь-то я дышу. Благодаря тебе.

– Что он сделал? – спросил Терри.

– Он меня вытащил, – ответил Иг, махнув рукой на мокрые шорты Ли. – И он вернул мне дыхание.

– Ты сплавал за ним? – спросил Терри.

– Нет, – сказал Ли. Казалось, он находится в полном недоумении, словно Терри спросил его что-то очень трудное: столицу Исландии или цветок какого-нибудь штата. – Когда я его увидел, он уже был на мелком месте. Мне не пришлось за ним плавать... да и вообще ничего. Он уже...

– Он вытащил меня из воды, – сказал Иг, которому не понравились эти заикание и застенчивость Ли. Он же достаточно ясно помнил, что кто-то был в воде вместе с ним, двигался совсем рядом. – Я не дышал.

– И ты сделал ему рот в рот? – с тем же недоверием спросил Эрик Хеннити.

Ли потряс головой, все еще плохо что-нибудь понимая.

– Нет, все было совсем не так. Я только ударил его по спине, когда он, ну, вы знаете... когда он совсем...

Он окончательно увяз во фразе и не знал, что сказать дальше.

– Вот, значит, что заставило меня прокашляться. Я проглотил чуть ли не всю реку. Мои легкие были полны водой, и он выбил ее из меня.

Иг говорил сквозь крепко сжатые зубы. Боль в его носу напоминала последовательность резких электрических ударов. Закрыв глаза, он видел желтые неоновые вспышки.

Собравшиеся мальчишки глядели то на Ига, то на Ли Турно в тихом ошарашенном удивлении. Перед ними только что произошло то, что бывает только в мечтах и по телевизору. Один человек только что должен был погибнуть, а другой его спас, и теперь спасенный и спаситель стали особыми звездами своего собственного фильма, что превращало всех остальных в рядовых статистов. Спасти кому-нибудь жизнь – это значило самому *стать* кем-то. Ты не был уже просто Джо Шмо, ты был Джо Шмо, который вытащил голого Ига Перриша из Ноулз-ривер, когда тот почти утонул. И ты будешь этим человеком весь остаток своей жизни.

Что касается Ига, то, глядя Ли в лицо, он ощутил, как в нем распускается первый бутон одержимости. Он был спасен. Он едва не умер, и этот светловолосый мальчишка с вопросительно глядящими синими глазами вернул его к жизни. В евангелической церкви ты идешь к реке и погружаешься в воду, а затем поднимаешься к новой жизни, и Игу теперь казалось, что Ли его спас и в этом смысле тоже. Игу хотелось купить ему что-нибудь, отдать ему что-нибудь, узнать, что он любит из рока, какая его любимая группа, и сделать так, чтобы она стала его, Ига, любимой группой. Ему хотелось делать за Ли уроки.

В кустах послышался треск, словно кто-то волочил гольфовую тележку. Затем появилась та девушка, Гленна, сбившаяся с дыхания, с лицом, покрытым пятнами. Она согнулась в талии, положила руку на свое округлое бедро и самым натуральным образом ахнула.

– Господи! Вы только взгляните на его лицо!

Затем взгляд Гленны перешел на Ли, и лоб ее вопросительно наморщился.

– Ли? А ты там что делаешь?

– Он вытащил Ига из воды, – сказал Терри.

– Он вернул мне дыхание, – сказал Иг.

– Ли?! – спросила она, состроив гримасу полнейшего недоверия.

– Я ничего не сделал, – сказал Ли, и Иг не мог в него не влюбиться.

Боль, пульсировавшая в переносице Ига, разрасталась, разрасталась, захватывая весь лоб, глубже и глубже проникала в мозг. Он начал видеть неоновую-желтые вспышки даже с открытыми глазами. Терри опустился рядом с ним на колени и положил руку на его плечо.

– Нам, пожалуй, стоит одеться и идти домой, – сказал Терри. Его голос звучал несколько подавленно, словно это он, а не Иг был виновен в идиотской безрассудности. – А нос твой вроде бы сломан. – Он поднял голову на Ли Турно и коротко ему кивнул. – Слышь, там на горе я наговорил тебе много всякого и очень теперь об этом жалею. Спасибо, что помог моему брату.

– Да брось ты! – отмахнулся Ли. – Было бы о чем говорить.

Ига поразило спокойствие его тона, его нежелание купаться в признательности окружающих.

– Ты пойдешь с нами? – спросил Иг у Ли, скрипнув зубами от боли. – И ты, и ты, – добавил он, посмотрев на Гленну. – Я хочу рассказать родителям, что сделал Ли.

– Слышь, Иг, – встревожился Терри, – давай мы не скажем, что мы сделали. Лучше бы мама и папа ничего не узнали. Ты упал с дерева, ладно? Ну, там скользкая ветка, ты шлепнулся прямо лицом. Так будет... ну вроде как проще.

– Терри, мы *должны* им сказать. Если бы он меня не вытащил, я бы утонул.

Терри открыл было рот, чтобы спорить, но Ли Турно его опередил.

– Нет, – сказал он с неожиданной резкостью и взглянул на Гленну широко открытыми глазами, она кинула на него почти в точности такой же взгляд и почему-то схватилась за свою кожаную куртку. Затем он вскочил на ноги. – Мне сейчас не полагается быть здесь, да и вообще я ничего не сделал.

Он схватил Гленну за пухлую руку и потащил ее куда-то к деревьям. В другой руке он уносил новехонькую горную доску.

– Подожди, – сказал Иг, поднимаясь на ноги.

Когда он встал, перед его глазами вспыхнул фейерверк неоновых огней, а вместе с ним пришло ощущение, что нос его полон битого стекла.

– Мне нужно идти. Нам обоим нужно идти.

– Ладно, но вы зайдете ко мне как-нибудь в другой раз?

– Как-нибудь.

– А вы знаете, где это? Это на шоссе, прямо за...

– Все знают, где это, – сказал Ли и почти убежал, петляя между деревьями, таща за собой Гленну.

Уходя, она бросила на мальчишек встревоженный взгляд.

Боль в носу Ига усиливалась и накатывала волнами. Он на мгновение приложил к лицу сложенные лодочкой ладони, затем отвел их, и ладони оказались красными.

– Пошли, Иг, – сказал Терри. – Нам надо идти. Ты должен показаться доктору, с этим своим лицом.

– И я, и ты, – добавил Иг.

Терри улыбнулся и вытащил из комка одежды, бывшего у него под мышкой, Игову рубашку. Иг взглянул на нее с удивлением; до этого момента он даже не замечал, что стоит нагишом. Терри натянул ее на Ига, одевая его так, словно ему пять лет, а не пятнадцать.

– Возможно, хирург будет нужен и для того, чтобы вытащить мамашину ногу из моей задницы, – сказал Терри. – Взглянув на тебя, она меня просто убьет. – Когда голова Ига прошла через ворот рубашки, он увидел, что брат смотрит на его лицо с явной тревогой. – Ты же не скажешь им, правда, Иг? Она же зашибет меня за то, что позволил тебе спускаться на этой долбаной тележке. Иногда лучше промолчать или соврать.

– Господи, да я же совсем не умею врать. Мама всегда догадывается. Она все поймет, как только я раскрою рот.

На лице Терренса появилось некоторое облегчение.

– А кто тебе велит раскрывать рот? Тебе очень больно. Ты просто стой и реви, а всю трепотню оставь мне. Уж я-то умею трепаться.

14

Через два дня, когда Иг снова увидел Ли Турно, тот был насквозь мокрый и весь дрожал. На нем был тот же самый галстук, те же самые шорты и та же самая горная доска под мышкой. Он словно только что вылез из Ноулз-ривер и не успел обсохнуть.

Неожиданно хлынул ливень, и Ли под него угодил. Его белесые волосы насквозь промокли и прилипли к черепу, он хлюпал носом. Он нес через плечо мокрый брезентовый мешок, придававший ему вид мальчишки-газетчика из старого комикса «Дик Трейси».

Иг был в доме один, необычное обстоятельство. Его родители уехали в Бостон на вечеринку с коктейлями к Джону Уильямсу. У того кончался дирижерский контракт в оркестре «Бостон-попс», и Деррик Перриш должен был играть на прощальном концерте. Следить за домом они оставили Терри. Тот большую часть утра просидел в пижаме перед телевизором или провисел на телефоне, беседуя с такими же скучающими друзьями. Его тон был сперва жизнерадостно-ленивый, затем настороженный и любопытный и, наконец, отрывистый, невыразительный, каковым он выражал крайнюю степень презрения. Проходя мимо его двери, Иг увидел, как он меряет комнату шагами, верный знак возбуждения. В конце концов Терри бросил телефонную трубку и взбежал по лестнице. Когда он снова спустился, то был уже одет и подкидывал на ладони ключи от отцовского «Ягуара». Он сказал, что едет к Эрику, сказал, изогнув верхнюю губу, с видом человека, которому приходится выполнять чужую грязную работу, человека, который, вернувшись домой, увидел, что все мусорные бачки перевернуты и мусор разбросан по всему двору.

– Разве тебе не нужно, чтобы с тобой был кто-нибудь, имеющий права? – спросил Иг.

У Терри уже было разрешение.

– Только если меня остановят, – сказал Терри.

Терри вышел во двор, и Иг запер за ним дверь. Через пять минут кто-то в нее забарабанил, и Игу пришлось открывать; он решил, что это Терри что-то забыл и вернулся, но это был не Терри, это был Ли Турно.

– Ну как твой нос? – спросил Ли.

Иг осторожно потрогал пластырь, затягивавший его переносицу, и опустил руку.

– В общем-то, я и так не был красавцем. Ты зайдешь?

Ли шагнул через порог и так и стоял; под его ногами постепенно вырастала лужа.

– Похоже, это *ты* тонул, – улыбнулся Иг.

А Ли не улыбнулся. Он словно не знал, как это делается. Можно было подумать, что сегодня утром он впервые надел свое лицо и еще не научился им пользоваться.

– Красивый галстук, – сказал Ли.

Иг посмотрел на себя и только сейчас вспомнил о галстуке. В субботу утром, когда Иг спустился вниз с синим галстуком на шее, Терри картинно закатил глаза.

– А это что такое? – спросил он издевательским голосом.

Их отец, как раз проходивший через кухню, посмотрел на Ига и сказал:

– Высший класс. Тебе бы, Терри, тоже стоило носить что-нибудь в этом роде.

С этого времени Иг всегда ходил в галстуке, и вопрос больше не обсуждался.

– Чем ты торгуешь? – спросил Иг, кивнув на брезентовый мешок.

– По шесть долларов штука, – сказал Ли, расстегнул мешок и вытащил три разных журнала. – Выбирай, что больше нравится.

Первый назывался попросту «Правда!». На обложке были нарисованы жених и его невеста, преклонившие колени перед алтарем в огромной церкви. Их руки были молитвенно сложены, лица повернуты к свету, косо пробивающемуся через витражные окна. Судя по одинаковому маниакальному восторгу на лицах, они надышались веселящего газа. За ними стоял

высокий и голый серокожий инопланетянин. Он возложил на их макушки свои трехпалые ладони – смотрелось это так, словно он собирался стукнуть их головами и убить, к их величайшей радости. Заголовок на обложке гласил: «Обрученные инопланетянами!» Два других журнала были «Налоговая реформа» и «Современное американское ополчение»¹⁴.

– Все три за пятнадцать, – сказал Ли. – Это мы собираем деньги на христианский патристический банк продуктов питания. «Правда!» – он действительно интересный. Там фантасика про всяких великих знаменитостей. Есть рассказ о том, как Стивен Спилберг ездил по настоящей Зоне-пятьдесят пять¹⁵. Еще про «Киссов», как они летели на самолете, и в их самолет попала молния, и двигатели заглохли. Они все воззвали к Христу спасти их, а затем Пол Стенли увидел на крыле Иисуса, и через минуту двигатели снова завелись, и пилот смог вывести машину из Чпике.

– «Киссы» все евреи, – сказал Иг.

Ли ничуть не обеспокоился этой новостью.

– Да. Я и сам думаю, что большая часть тамошних публикаций – дерьмо собачье. Но рассказ все равно хороший.

Это показалось Игу весьма разумным наблюдением.

– Так ты говоришь, пятнадцать за все три? – спросил он.

– Да, – кивнул Ли. – Если продашь достаточно много, тебе полагается премия. Вот так я получил эту доску, прокатиться на которой мне не хватило духу.

– Ты чего! – воскликнул Иг, удивленный спокойствием, с каким Ли признал свою трусость. Слушать, как он сам это говорит, было хуже, чем слушать Терри тогда на холме.

– Нет, – сказал Ли, ничуть не обеспокоившись. – Твой брат понял меня правильно. Я думал впечатлить этой штукой Гленну и ее дружков, но уже на месте, на холме, не смог заставить себя рискнуть. Я только надеюсь, что, если снова встречу с твоим братом, он не будет держать это против меня.

Иг почувствовал короткую, но мощную вспышку ненависти к своему старшему брату.

– Уж кто бы говорил, но не он. Он чуть не обоссался, когда решил, что дома я расскажу маме, что там у нас случилось. Уж одно про моего братца можно сказать точно – в любой ситуации ты можешь быть уверен, что сперва он прикроет собственную задницу, а потом будет думать о других. Заходи. Деньги у меня наверху.

– Ты хочешь купить журнал?

– Я куплю все три.

Ли прищурился.

– Я еще понимаю, ««Современное американское ополчение» – там всякая хрень про винтовки, пистолеты и как отличить шпионский спутник от обычного. Но ты уверен, что хочешь купить ««Налоговую реформу»»?

– А почему бы нет? Когда-нибудь мне придется платить налоги.

– Обычно люди, читающие ««Налоговую реформу»», стараются налогов не платить.

Ли последовал за Игом в его комнату, но потом остановился в коридоре, осторожно заглядывая внутрь. Иг никогда не считал свою комнату чем-то особо впечатляющим – она была меньшей из комнат второго этажа, – но сейчас задался вопросом, как она выглядит в глазах такого парня, как Ли, не сочтет ли тот ее слишком богатой. Иг и сам окинул комнату взглядом, пытаясь увидеть ее глазами Ли. Первое, что он заметил, был вид из окна на плавательный бассейн, ярко-голубую поверхность с оспинками от дождевых капель. Над кроватью висел

¹⁴ Американское ополчение – военизированная правоэкстремистская организация, возникшая в США в начале 1990-х гг.

¹⁵ Зона-55 – участок в Южной Неваде, где испытывают новейшую авиационную технику; с ним связано много легенд о НЛО.

постер Марка Нопфлера, украшенный автографом; Игов отец трубил на последнем альбоме *Dire Straits*.

Собственная труба Ига лежала на кровати в открытом футляре. В футляре находился также полный набор других сокровищ: пачка денег, билеты на концерт Джорджа Харрисона, фотография матери, сделанная на Капри, и крестик той рыжей девочки на порванной цепочке. Иг попытался починить его при помощи швейцарского армейского ножа, но эта попытка ровно ни к чему не привела. В конце концов он отложил крестик в сторону и обратился к другой косвенно связанной с ним задачей. Он притащил от Терри том «Британской энциклопедии» на букву «М» и посмотрел там азбуку Морзе. Он отчетливо запомнил точную последовательность коротких и длинных вспышек, посланную ему рыжей девочкой, но когда перевел их в буквы, первой его мыслью было, что где-то он ошибся. Это было достаточно простое послание из одного короткого слова, но такое неожиданное, что по спине и голове Ига пробежала волна мурашек. Он начал придумывать подходящие ответы, рисуя для этого цепочки точек и черточек на форзацах своей Библии Нила Даймонда, потому что, конечно же, он не мог заговорить с ней просто так. Она говорила с ним вспышками света, и Игу казалось, что он обязан ответить тем же самым образом.

Ли увидел все это; его взгляд, метавшийся туда-сюда, замер наконец на стоявших у стены четырех хромированных стеллажах-башнях, набитых компакт-дисками.

– У тебя уйма музыки.

– Заходи.

Ли прошаркал внутрь, сгибаясь под весом пропитанного водой брезентового мешка, и сел на краешек Иговой кровати, сразу же промочив покрывало. Повернув голову, он взглянул через плечо на башни с компакт-дисками.

– Никогда не видел столько музыки, разве что в магазине.

– Кого бы ты хотел послушать? – спросил Иг.

Ли равнодушно пожал плечами. Это был необъяснимый ответ. Каждый что-нибудь да слушал.

– Какие у тебя есть альбомы? – спросил Иг.

– Никаких.

– Никаких?

– Наверное, я просто не слишком интересуюсь, – спокойно ответил Ли. – Компакты, они же дорогие, верно?

Ига поразила сама уже мысль, что кто-то может не интересоваться музыкой. Это было вроде как не интересоваться счастьем. Затем он отметил про себя сделанное Ли продолжение: «Компакты, они же дорогие, верно?» – и впервые у него появилась мысль, что у Ли просто нет денег ни на музыку, ни на что-либо другое. Тут сразу подумалось о бывшей у Ли новехонькой горной доске, но это был приз за благотворительную работу, он сам так сказал. Затем были его галстуки и рубашки с короткими рукавами – но, возможно, это мать заставляла его носить их, когда он продавал свои журналы, чтобы он выглядел аккуратно и серьезно. Бедные ребята часто одеваются себе не по карману. Это богатые ребята одеваются вроде бы кое-как, продуманно подбирая простецкий костюм, восьмидесятидолларовые дизайнерские джинсы, профессионально потертые и вылинявшие, и заношенные футболки прямиком с вешалок «Аберкромби и Фитч». А еще знакомство Ли с Гленной и ее друзьями, компания, от которой за милю разило трейлерными поселками. Ребята, которые за неимением других занятий целыми днями ошиваются в старой литейной и поджаривают говешки.

Ли вскинул одну бровь – он точно работал немного под Спока и, похоже, заметил удивление Ига.

– А сам ты что слушаешь? – спросил он.

– Не знаю. Много всякого. Последнее время я торчу на битлах. – Под «последним временем» Иг имел в виду последние семь лет. – Ты их любишь?

– Я даже толком не знаю. А какие они?

То, что в мире есть люди, не знающие битлов, потрясло Ига.

– Ну, такие... – сказал он, – ну такие, битловские. Джон Леннон и Пол Маккартни.

– А, эти, – протянул Ли, но Иг сразу понял по его голосу, что он смутился и только притворяется, что знает. Да и притворяется не слишком старательно.

Иг ничего не ответил, но подошел к стеллажу с компактными и стал рассматривать свое собрание «Битлз», пытаясь решить, с чего бы Ли лучше начать. Первым делом он подумал о «Сержанте Пеппере» и вытащил его из стеллажа. Но тут же засомневался, понравится это Ли или его совсем запутают все эти трубы, аккордеоны и ситары, не отвратит ли его эта сумасшедшая смесь стилей, рок-джеммы, переходящие в песенки английских пабов, а затем в мягкий джаз. Пожалуй, ему нужно что-нибудь такое, что легче переварить, собрание ясных запоминающихся мелодий, что-нибудь, в чем легко узнается рок-н-ролл. Тогда «Белый альбом». Вот только слушать «Белый альбом» – это как войти в кинотеатр на последних двадцати минутах фильма. Ты увидишь действие, но не будешь знать, что это за персонажи и почему тебе это должно быть интересно. В общем-то, «Битлз», они вроде рассказа, слушать их – все равно что читать книгу. Нужно начинать с Please Please Me. Иг вытащил целую стопку и положил ее на кровать.

– Тут же слушать не переслушать. Когда тебе их вернуть?

Иг и сам не знал, что отдает диски, до того как Ли задал этот вопрос. Ли вытащил его из ревушего мрака, вбил дыхание назад в его грудь и не получил за это ничего. Сотня долларов компакт-дисками – это ничто. Ничто.

– Бери их себе, – сказал Иг.

Ли явно был в некотором замешательстве.

– За журналы? За них нужно платить деньгами.

– Нет. Не за журналы.

– За что же тогда?

– За то, что не дал мне утонуть.

Ли взглянул на стопку компакт-дисков и осторожно положил на них руку.

– Спасибо, – сказал он. – Я даже не знаю, что сказать. Ну разве что то, что ты сбрендил. Это же совсем не обязательно.

Иг открыл рот и тут же его закрыл, слишком пораженный своими чувствами к Ли Турно, чтобы суметь дать простой ответ. Ли снова бросил на него удивленный взгляд и быстро отвел глаза.

– Ты тоже играешь, как и твой папаша? – спросил Ли, вытащив Игову трубу из футляра.

– Мой брат играет. Я, в общем-то, знаю, как это делается, но по-настоящему не играю.

– Почему?

– Я не могу дышать.

Ли нахмурился.

– В смысле у меня же астма. Когда я пытаюсь играть, мне не хватает дыхания.

– Думаю, ты не будешь знаменитым.

Это не было какой-нибудь шпилькой, просто наблюдение.

– Мой папа, он тоже не знаменитый. Он играет джаз. Нельзя стать знаменитым, играя джаз.

Больше нельзя, добавил про себя Иг.

– Я никогда не слышал записи твоего папаша. Я не очень понимаю в джазе. Это вроде той фигни, которую всегда играют фоном, когда про старых гангстеров, верно?

– Как правило.

– Мне наверняка такое понравится. Музыка для эпизодов с гангстерами и этими девицами в коротких прямых юбках. Которые вроде как шлюхи.

– Верно.

– А затем входят киллеры с автоматами, – сказал Ли; он выглядел возбужденно – впервые с того времени, как Иг его встретил. – Киллеры в низко нахлобученных шляпах. И укладывают всех на месте. Взрываются бутылки шампанского, падают богачи и старые гангстеры. – Говоря все это, Ли изображал, что стреляет из автомата. – Думаю, мне нравится такая музыка. Музыка, под которую убивают людей.

– Такое у меня тоже есть. Подожди. – Иг вытащил диск Гленна Миллера, диск Луиса Армстронга и приложил их к битлам. Затем, потому что Армстронг лежал вместе с AC/DC, Иг спросил: – Тебе нравится Back in Black?

– Это альбом?

Иг взял Back in Black и присоединил его к растущей стопке Ли.

– Там есть такая песня Shoot to Thrill. Самое то для всяких перестрелок и ломания мебели.

Но Ли тем временем склонился над открытым футляром от трубы, разглядывая другие сокровища Ига, в частности, взяв в руки крестик той рыжей, на тонкой золотой цепочке. От того, как он трогает крестик, Игу было беспокойно, его охватило мгновенное желание захлопнуть футляр... прямо по пальцам Ли, если бы тот отдернул руку слишком медленно. Иг тут же стряхнул этот порыв, словно паука, забравшегося на тыльную сторону его ладони. Ему было неприятно, что он такое почувствовал, пусть даже и на миг. Ли выглядел как ребенок, попавший в наводнение, – холодная вода все еще капала с кончика его носа. Иг жалел, что не зашел на кухню и не сделал ему чашку какао. И еще он хотел дать Ли горячего супа и тосты с маслом. Он хотел бы дать Ли много самого разного. Но только не крестик.

Он спокойно обошел кровать и залез в футляр, чтобы собрать деньги в пачку, повернувшись плечом к Ли, так что тому пришлось положить крестик и убрать руку. Иг достал пятерку и десять долларовых бумажек.

– Это за журналы, – уточнил он.

Ли сложил деньги в четыре раза и засунул их в карман.

– Тебе нравятся картинки со щелью?

– Щель?

– Шахна.

Это было сказано без всякой неловкости, словно они все еще обсуждали музыку. Иг не заметил тут никакого логического перехода, однако ответил:

– Конечно. Кому же не нравится?

– У моего шефа каких только журналов нет. Я у него на складе такое видел – прямо голова кругом. Вот, скажем, целый журнал беременных баб.

– Ух! – воскликнул Иг с радостным отвращением.

– Мы живем в беспокойные времена, – сказал Ли без всякого заметного осуждения. – Там есть еще один со старухами. «Все еще хочется», мощная штука. Это про цыпочек старше шестидесяти, которые дрочат себя пальцами. У тебя есть какая-нибудь порнуха?

Ответ Ига читался на его лице.

– Дай посмотреть, – сказал Ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.